НОВЫЙ АФОНСКИЙ ПАТЕРИК

Том I

Анонимный автор

Новый Афонский патерик. Том I. Жизнеописания

Электронное Издательство "Орфограф"

2011

УДК 271
ББК 86.372

Анонимный автор

Новый Афонский патерик. Том I. Жизнеописания / Анонимный автор — Электронное Издательство "Орфограф", 2011

ISBN 978-5-9903621-2-3

Составитель этой книги – один из уважаемых афонских старцев, по смирению пожелавший остаться неизвестным. Более 30 лет он собирал и систематизировал повествования и изречения, отражающие аскетическое и исихастское Предание Святой Афонской Горы. Его восемьсотстраничная книга, вышедшая на Афоне в 2011 году, выдержала несколько переизданий. Ради удобства читателей и с благословения старца русский перевод выходит в трёх томах – «Жизнеописания», «Сказания о подвижничестве» и «Рассказы старца Паисия и других святогорцев», которые объединены общим названием «Новый Афонский патерик». Первый том патерика содержит ранее не известные жития 25 афонских подвижников, по большей части наших старших современников, угождавших Богу в середине XX века.

УДК 271
ББК 86.372

ISBN 978-5-9903621-2-3

© Анонимный автор, 2011
© Электронное Издательство "Орфограф", 2011

Содержание

Предисловие 9
Часть первая***Жизнеописания 15
1. Иеромонах Григорий, духовник 17
2. Иеромонах Даниил, исихаст из келии святого Петра 24
3. Старец Филарет Карульский, нестяжатель 28
4. Исихаст Пётр, которого также называли Петракис 33
5. Подвижник Гавриил Карульский 38
6. Кавиот Костас, Христа ради юродивый 51
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Новый Афонский патерик. Том 1. Жизнеописания

Новопрозябшим побегам пустыни, юным инокам и инокиням, с молитвенным пожеланием от всего сердца возлюбить монашеское Предание, укорениться в нём и от него питаться, дабы в своё время принести плоды – посвящается эта книга

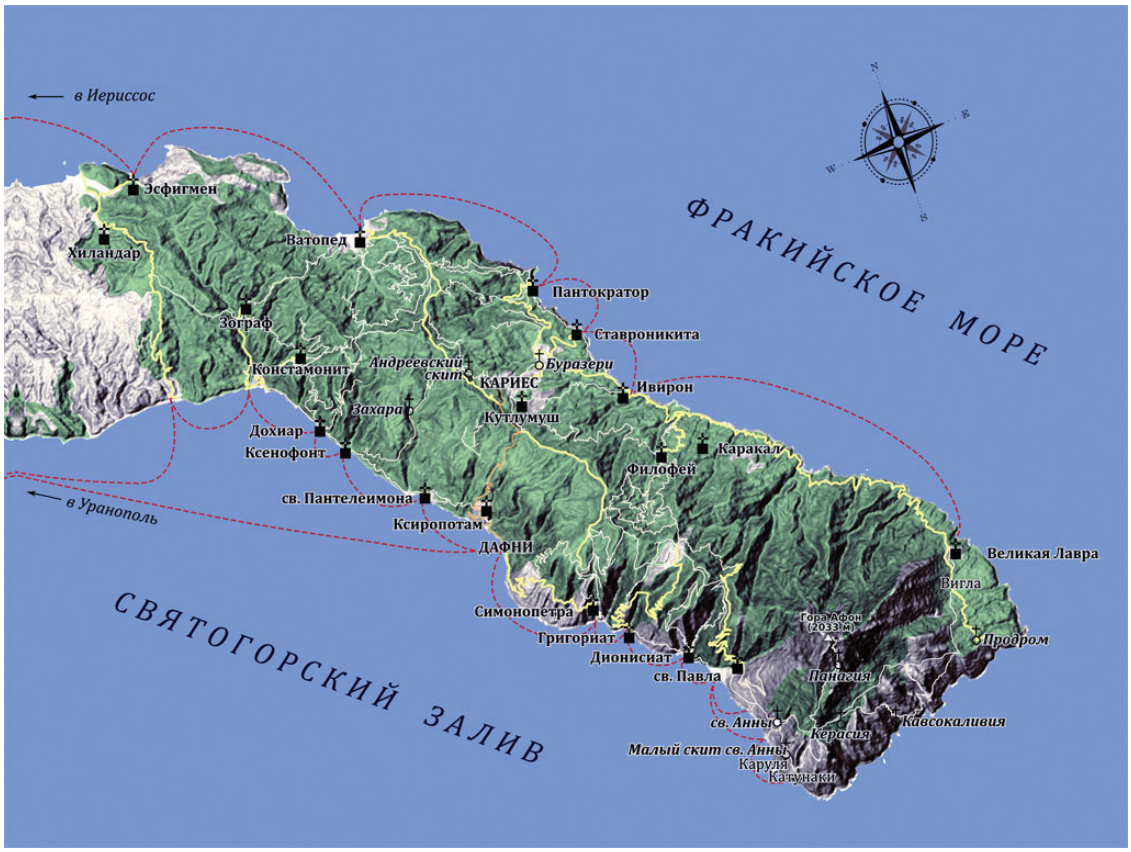
Если не перестанем сами себя испытывать и сравнивать житие наше с житием прежде нас бывших святых отцов и светил, то найдём, что мы ещё и не вступали на путь истинного подвижничества, ни обета своего как должно не исполнили, но пребываем ещё в мирском устроении.
Преподобного отца нашего Иоанна Лествица, Слово 23, п. 21

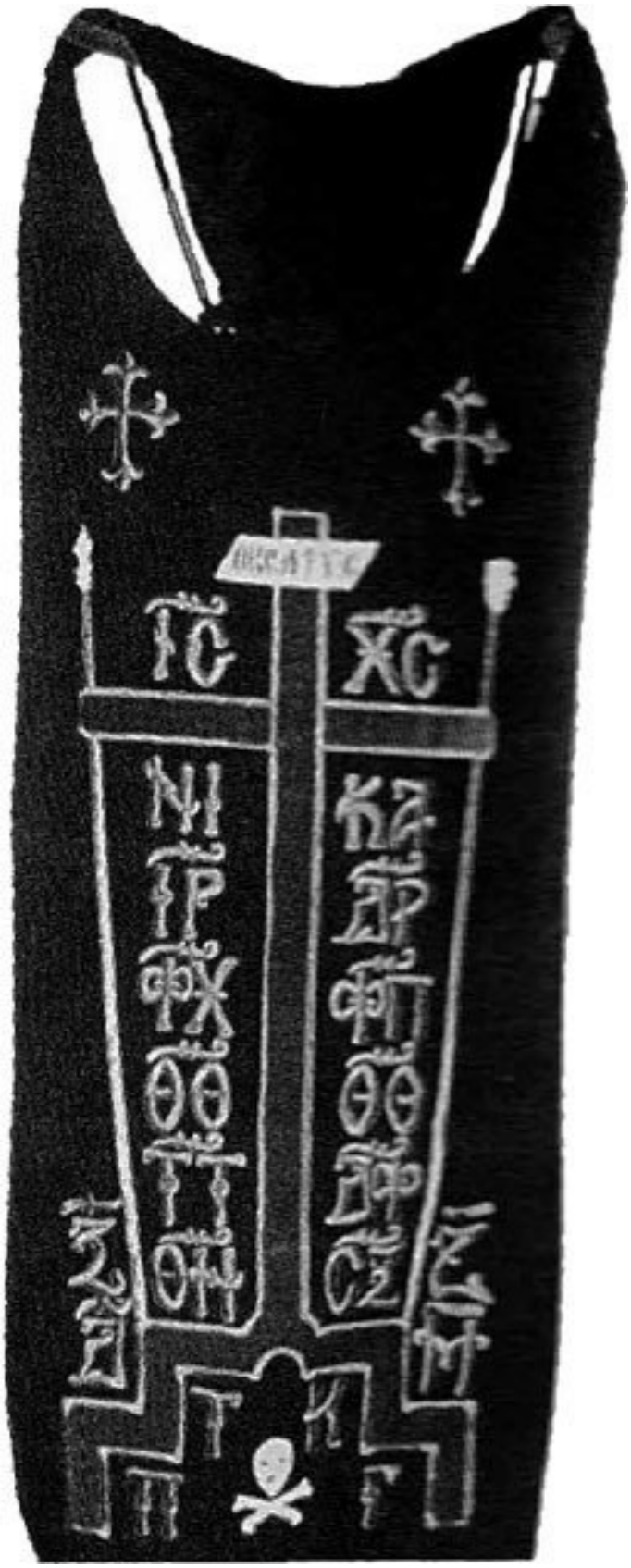
Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 3–309–1688

Перевод братии Свято-Преображенского подворья Данилова мужского монастыря г. Москвы с греческого издания:
ΑΠΟ ΤΗΝ ΑΣΚΗΤΙΚΗ ΚΑΙ ΗΣΥΧΑΣΤΙΚΗ
ΑΓΙΟΡΕΙΤΙΚΗ ΠΑΡΑΔΟΣΗ.
#γιον #ρος, 2011.

© #ερ#ν #συχαστ#ριον «#γιος #ω#ννης # Πρ#δρομος», Μεταμ#ρφωση Χαλκιδικ#ς, текст, 2011
© Свято-Преображенское подворье Данилова мужского монастыря г. Москвы, перевод, 2012
© Издательство «Орфограф», Москва, 2013

* * *


в Иериссос
Эсфигмен
Хиландар
Ватопед
Пантократор
Зограф
Ставроникита
Андреевский скит
Буразери
Констамонит
КАРИЕС
Ивирон
Захара
Кутлумуш
Дохиар
Ксенофонт
Каракал
Филофей
св. Пантелеимона
в Уранополь
Ксиропотам
ДАФНИ
Великая Лавра
Вигла
Симонопетра
Гора Афон (2033 м)
Григориат
Продром
Дионисиат
св. Павла
Пангея
св. Анны
Кавсокаливия
Керасия
Малый скит св. Анны
Каруля
Катунакия
ФРАКИЙСКОЕ МОРЕ
СВЯТОГОРСКИЙ ЗАЛИВ



Во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, в честь Хранительницы нашей Пресвятой Богородицы, в поминовение вечное зде подвизавшихся

святогорских отцов, в подражание им, в продолжение и укрепление Предания Святой Афонской Горы и читающим на пользу.

Аминь.

Предисловие

Святая Афонская Гора – символ любви, всецелого посвящения монахов Богу и благоговения верующих византийских самодержцев, которые наделили её самоуправлением, вытекающими отсюда привилегиями и недоступностью для женщин. До сих пор Святая Гора остаётся живым свидетельством былого могущества и просвещённости Византийской империи. Духовные плоды, принесённые Святой Афонской Горой на протяжении веков – бесценны, и исчислить их невозможно.

Несмотря на пережитые за свою историю испытания, Святая Гора Афон пребывает неизменной. Можно сказать, что ныне она приобрела бóльшую известность, чем в прежние времена, и привлекает всё большее число паломников. *И будет в последние дни, гора дома Господня*.[1] Происходит это потому, что мир имеет необходимость в её свидетельстве и помощи, а саму её хранит благодать Божия и предстательство Госпожи Богородицы.

За свою долгую историю Святая Афонская Гора пережила всякое: она сотрясалась от пиратских набегов, задыхалась под многовековым варварским игом, страдала от трений на национальной почве, от богословских и догматических распрей, от нехватки иноков, от недостатка самого необходимого и от тысячи других – бóльших или меньших – бед. Сегодня, благодатью Божией, всё это в прошлом. В наши дни Афону угрожает одна-единственная опасность: уклонение от спасительного пути святогорского монашеского Предания, опасность его искажения. Ведь именно оно, это живое аскетическое и исихастское святогорское Предание, на протяжении стольких веков опытно хранимое как образ жизни, аскезы и богопочитания, причём хранимое во всём многообразии монашеской жизни и таким огромным количеством монахов, – это-то самое Предание и делает Святую Афонскую Гору явлением исключительным и неповторимым.

Но, к несчастью, сегодня это драгоценное живое наследие – монашеское Предание Святой Афонской Горы – подвергается опасности быть изменённым мирским мудрованием и многими мирскими удобствами и влияниями.

На Афоне сохраняются разнообразные традиции, например: архитектурная, музыкальная, литургическая, иконописная и др. Все они достойны внимания, однако в нашей книге речь пойдёт о другом – мы будем говорить о живом опыте аскетического и исихастского Предания. Этот «вид» традиции не ограничивается географическими рамками и не исчерпывается внешними выражениями. То есть те, кто живёт в пустыне (где бы ни была эта пустыня), суть подвижники и исихасты, поскольку аскеза и безмолвие – это главным образом духовное состояние, подвиг и достижение. Те, кто понуждают своё естество и имеют трезвение и молитву, также опытно переживают это Предание – независимо от того, подвизаются ли они в келии[2] или в общежительном монастыре. Поэтому мы не имели целью «разрекламировать» традицию какого-то конкретного старца, келии или монастыря – нет, мы пытаемся познакомить читателя с единым, непрерывным, живым и многообразным Преданием всей Святой Афонской Горы.

Ведь именно это переживаемое личным опытом святогорское Предание и монашеский образ мышления уподобляют нас нашим предшественникам и духовно соединяют с преподобными святогорскими отцами. Эта добрая подвижническая закваска перекваШивает наше бренное тело и освящает его, ибо «подвижничество есть матерь освящения».[3] Предание даёт

---

[1] Ис. 2:2.

[2] *Ке́лия* – 1) отдельно стоящий дом с церковью, где подвизается один или несколько монахов; 2) комната монаха в монастыре. – *Здесь и далее, если специально не оговорено, примечания редакции.*

[3] *Прп. Исаак Сирин.* Слова подвижнические. Слово 74.

крылья, чтобы мы духовно возвысились. Святогорское Предание – подземная река, которая невидимо напояет и питает святогорское монашество, оно – чистый оживотворяющий кислород, оно – та объединяющая сила, которая уберегает и хранит от распада святогорское братство, оно есть гарантия того, что мы идём по правильному пути, и, наконец, Святогорское Предание есть преемственность нашей монашеской жизни.

Традиционный монашеский дух вкупе с аскетическим образом жизни могут исправить монашество и явить новых преподобных отцов. Без этого оживотворяющего духа мы *кости мертвы и бездушны*.[4] Ведь если на Святой Афонской Горе будут сохранены здания и святыни, а монашеское Предание утеряно и ограничено формальным совершением богослужения, то Афон превратится в «очень интересный музей» с одетыми в рясы смотрителями «залов» и «экспозиций».

Безусловно, из всех святынь, которые есть на Афоне, самые драгоценные – это «живые святыни»: благоговейные подвижники, носители и выразители монашеского Предания Святой Афонской Горы.

Жизнь аскета похожа на один вид растущих на Афоне цветов. Эти цветы очень хорошо произрастают в безводных местах, ловко пробиваются сквозь каменные кладки террас, их можно увидеть распускающимися высоко на стенах монастырских башен – в местах, где нет даже следа влаги. При цветении они издают непередаваемое, пьянящее благоухание. Многие паломники брали с собой со Святой Горы семена этих цветов, сажали их в своих благоустроенных садах в миру, щедро поливали эти растения и удобряли вокруг них почву. И что же? К сожалению, в миру, в самых «тепличных» и благоприятных условиях эти цветы теряли свой аромат и уже не источали запах. То же самое происходит и с монахами. Насколько монахи лишают себя мирских благ и удобств – настолько они обогащаются духовным богатством. Чем больше они живут и подвизаются в горькой пустыне, лишённой земных и человеческих утешений – тем больше они хранимы и питаемы утешениями божественными и небесными. От этого монахи начинают благоухать добродетелью и святостью. Если же мы, монахи, стремимся сделать «жёсткое» нашего подвижничества мягким, а узкий путь – широким, то становимся похожи на цветы, которые никак не пахнут.

Прежние отцы, известные и безвестные, знатные и незнатные, жившие давно и недавно, – отцы, речь о которых пойдёт в этой книге, по большей части были малообразованными, а иногда и совсем неграмотными людьми. Некоторые из них стали монахами «по воле случая»: кто-то из них осиротел в детстве, другие овдовели в браке, третьи дали Богу обет стать монахами, находясь в опасности на войне. И несмотря на это, все они стали настоящими монахами и следовали путём строгой аскетической жизни. А некоторые сподобились взойти на вершину жизни созерцательной, достичь боговидения и ещё в этой жизни узреть славу Божию – Нетварный Свет. Эти неграмотные люди стали *избранными сосудами* Божественной благодати и стяжали сверхъестественные дарования. Всего этого они удостоились потому, что уподобили свой дух духу отцов, бывших перед ними, потому что подъяли подвиг, следуя по стопам своих предшественников.

Раньше на Афоне можно было встретить старцев с чётками в руке и монашеским мешком на плечах, идущих издалека по труднопроходимым горным тропам. Их тела истощились от многолетней аскезы, глаза впали от бдений, губы иссохли от постоянного соблюдения девятого часа.[5] Некоторые старцы жили затворниками в своих келиях. Они не ходили

---

[4] См.: Иез. 37:1–10.

[5] Соблюдение девятого часа – полное воздержание от пищи и воды до окончания вечерни, которая совершается после чтения девятого часа. В общежительных монастырях Святой Афонской Горы в ходу так называемое «византийское время», когда заходу солнца соответствует 00:00. Соответственно, в зависимости от времени года девятый час и вечерня могут начинаться от 14 до 19 часов по европейскому времени. В скитах и на кельях византийское время обычно не используется и вечерня весь год совершается около 16–17 часов по европейскому времени.

в Кариес[6] или Дафни[7] за покупками, но Сам Бог посылал им ангелов любви – других монахов, которые им помогали. Эти старцы были лишены человеческих утешений и мирского комфорта, но они чувствовали себя свободными, ни в чём не нуждающимися и абсолютно беззаботными – в хорошем смысле этого слова. Другие почтенные старцы, в терпении проводившие свой путь в общежительных монастырях и достигшие там седин в послушании старцу и служении братии, дышали Богом и старцем – и так достигли меры бесстрастия.

Многие старые, иссохшие от аскезы монахи скрывали в себе Дух и жизнь. Их внешний вид был своеобразен: они были одеты в ветхие, грязные и разорванные подрясники, однако внутри сих пренебрегаемых сосудов они скрывали драгоценное богатство – божественную благодать. Они стяжали её многими подвигами, деннонощным понуждением себя к добродетели. Эти люди были чужды миру, однако они были родными, своими, *присными Богу*.[8] Им были неведомы мирские достижения, однако они хорошо знали *путь, ведущий в жизнь вечную*.[9] Они подвергали себя страданиям и молились о пребывающих в наслаждении и покое. Старцы бдели за спящих. Они проливали слёзы и каялись за улыбающихся и смеющихся. Находясь вдали от мира, они всех людей ощущали своими братьями и всех их заключали в духовных объятиях – в своей молитве.

Прежние отцы были простыми не только по образу жизни, но и по характеру. Они совершенно не считали себя людьми духовными, осознавали свои слабости и жили в покаянии. Встречаясь и прощаясь друг с другом, они желали «доброго покаяния и доброй кончины».

Этих-то освященных старцев, которые есть на Святой Афонской Горе и по сей день, найти нелегко, потому что они умеют искусно скрываться. Да и встретивший их должен иметь о́рган духовного чувства, чтобы узнать их и суметь общаться с ними «на одной волне». Многие отцы не открывали другим пережитый ими опыт и своё богомудрое учение. Они уносили собранное с собой как таинственное приношение Подвигоположнику Господу. Однако среди них были и такие, кто, желая помочь более молодым монахам, давал им советы или приоткрывал малую толику своего духовного опыта. Третьи стали явлены другим по Промыслу Божию – сами того не желая. Их подвиги, здесь описанные, – это осязаемые знаки присутствия Божия, вдохновение для юных к аскетической борьбе и обличение во лжи тех, кто говорит, что такого рода освященные старцы – всего лишь достояние прошлого. Нет! – каждое поколение имеет своё собственное боголюбивое настоящее, которое становится прошлым лишь впоследствии.

Конечно, на Святой Горе – в саду Пресвятой Богородицы – в любые времена были не только цветы, но и сорняки и колючки. Однако во времена прежние в общежительных монастырях, в пустыне и даже в монастырях идиоритмических[10] подвизалось множество добродетельных монахов. И старшие монахи «подбивали» (в добром смысле этого слова) более молодых на духовную борьбу. Разговоры братии между собой вращались вокруг чудес, аскетических подвигов и спасения души. В те благословенные времена Святая Гора была уда-

---

[6] *Кариéс* (Карéя) – посёлок на северо-западном склоне афонского полуострова, «столица» Святой Афонской Горы, её административный центр. Помимо множества монашеских келий, в Кариес расположены Священнный Кинот и Эпистасия Святой Горы, представительства (конаки) 20 общежительных афонских монастырей, резиденция губернатора, полиция, почта, пожарная охрана, медицинский пункт, магазины и т. п.

[7] *Да́фни* – главный порт Святой Афонской Горы на юго-восточной стороне афонского полуострова, место расположения афонской таможни и подразделения береговой охраны ВМФ Греции.

[8] См.: Еф. 2:19.

[9] См.: Мф. 7:14.

[10] *Идиоритми́ческий*, т. е. особножительный, монастырь по уставу сильно отличается от общежительного (киновийного) монастыря. В идиортимическом монастыре братия не выбирают игумена, могут иметь личную собственность, собираются на общую трапезу только по праздникам, получают от монастыря деньги за послушания. Последний идиоритмический монастырь Святой Горы (Пантокра́тор) был преобразован в общежительный в 1992 году.

лённей от мира – безмолвнее, таинственнее и аскетичнее. Прежде жившие отцы-святогорцы – все без исключения – имели большее уважение к Преданию, к начальствующим и к установлениям. Также с уважением они хранили то, что было принято ими от предшественников. Они имели предельное благоговение к Пресвятой Богородице и доверие Её промыслу. Они были терпеливы в немощах и искушениях и не забывали цели ухода из мира – спасение своей души. Они были настоящими странниками, вся их жизнь была соплетена с трудом. Они лишали себя самого необходимого и избегали комфорта. Они отличались простотой, а не рационализмом. Они были богаты жизненным опытом, а не бесплодными знаниями. Они были носителями подлинной монашеской нравственности.

Таким образом, зная силу воли и многообразный подвиг, трезвенные восхождения и простой нелицемерный нрав, а также всецелую самоотдачу Богу этих отцов, понудителей естества и рачителей Царства Небесного, мы можем возжечь от них нетленный огонь – чтобы и в нас самих возгорелась ревность к подвигу и молитве.

Благодать Божия причислила нас к монашескому чину, мы принадлежим огромной семье монахов Святой Афонской Горы. Это делает нам честь. Но, кроме этого, наша обязанность и долг – уважение и почтение к святогорскому монашескому Преданию и следование путём прошедших перед нами отцов. Мы должны постараться жить как они. Мы должны подражать делами.

Всё, что содержится в книге, которую вы держите в руках, относится не к теории, а к практике, к *практическому* учению святогорских отцов. Всё это собрано, систематизировано и напечатано для того, чтобы подвигнуть читающего к покаянию и подражанию аскезе этих отцов или хотя бы сделать нас более внимательными по отношению к собственным страстям.

Русское издание книги состоит из трёх томов.

Том I. *Жизнеописания.* В этом томе описывается жизнь, аскетические подвиги, представления о духовных вопросах и учение тех старцев, о которых удалось найти достаточно сведений, чтобы составить хотя бы краткое жизнеописание.

Том II. В этом томе представлены краткие сказания о подвижничестве, отражающие аскетический опыт и учение старцев. Многие из этих старцев известны, о некоторых из них написаны книги, однако опубликованные нами сказания этих старцев доселе не были изданы. Они невелики по объёму, однако в них много духовной силы, потому что они происходят из опыта борьбы, из подвига, выражают древний дух святогорских отцов. Возможно, покажется, что одни сказания в чём-то противоречат другим, например: один из старцев советует совершать богослужение по чёткам, произнося Иисусову молитву,[11] тогда как другой рекомендует петь стихиры и тропари. Пусть это не смущает читателя: отцы говорят *просто*, из собственного опыта, и не придают сказанному ими абсолютный догматический смысл.

Том III состоит из трёх частей:

Духовные рассказы. Здесь собраны рассказы о чудесах, явлениях святых и бесов, о падениях и заблуждениях некоторых монахов. Цель всех этих заметок – назидательная. Имена повредившихся монахов, о которых идёт речь в этой части, сознательно не называются.

Изречения и рассказы старца Паисия Святогорца. В этой части старец Паисий повествует о монахах, которых он знал, рассказывает разные поучительные истории и случаи. Отец Паисий часто беседовал с приходившими к нему о духовной жизни, преимущественно о монашеской. Его речь жива, афористична и содержит много практических советов. Из неё

[11] Здесь в греческом тексте εὐχή обозначает краткое прошение, многократно произносимое при молитве по чёткам, преимущественно это молитва Иисусова, но может быть и молитва ко Пресвятой Богородице, Ангелу-хранителю, святым, молитва об усопших. Здесь и далее εὐχή мы переводим как «молитва Иисусова».

ясно видно уважение старца к святогорскому Преданию, его забота о том, чтобы это Предание было живо. Замечания и советы старца Паисия – драгоценное подспорье в нашей монашеской борьбе. По причине большого объёма материал, связанный со старцем Паисием, выделен в отдельную часть.

Дух старых святогорцев. Дух старых святогорцев виден и в предыдущих частях книги, однако здесь подчёркнут особо. В рассказах старцев становится заметной разница в духе и образе жизни прежде живших святогорцев и нас, монахов современных. Вполне естественно, что общий дух пустой похвальбы и растления, отличающий нашу эпоху, влияет и на нынешних монахов – детей этого времени. Незадолго до того, как на Святой Горе праздновалось её 1000-летие,[12] здесь ощущалась нехватка братии, что ослабило святогорское Предание. Но Пресвятая Богородица устроила так, что на Афон прибыли «новобранцы». Монастыри стали возрождаться, однако не исключено, что «новобранцы» недостаточно усвоили древний дух, и поэтому сейчас на Святой Афонской Горе есть духовные недостатки. Наверное, сегодняшнее монашество не стоит мерить по меркам древних отцов. Возможно, в очах Божиих то малое, что совершают современные монахи, имеет большее значение, чем в прежние времена. Но сомнению не подлежит следующее: в прежнюю эпоху было много добродетельных, освященных старцев, которые опытно переживали и передавали другим предание монашеской жизни и отличались монашеским мудрованием; их аскетическая борьба и сверхъестественный опыт вызывают восхищение. В этой части изречения отцов усопших представлены по имени, тогда как отцов ещё живущих – анонимно. При этом все они – и усопшие, и живущие ныне – с благоговением и ностальгией говорят о древнем, подлинно святогорском монашеском духе.

Наконец, необходимо сделать несколько последних пояснений и замечаний:

• Хотя в книге представлены многие известные старцы, мы не включали сюда ранее опубликованное – насколько нам удалось это охватить. Единственное исключение: в томе «Жизнеописания» для того, чтобы дать полноценную картину, мы включали в повествование некоторые ранее известные и опубликованные случаи, например, явление Пресвятой Богородицы игумену монастыря святого Павла отцу Андрею и некоторые другие.

• В этой книге представлены изречения и подвиги не только известных афонских старцев, но и тех отцов, чей подвижнический опыт может быть значительно менее авторитетным. Возможно, кто-то из читателей был лично знаком с этими старцами, с их человеческими несовершенствами, возможно, кто-то не поверит их опыту, который описан в этой книге, или будет оценивать его по-другому. Однако написанное здесь имеет своей целью доставить пользу читающему и побудить его к покаянию, а не оправдывать немощи и слабости отцов. *Бог оправдывает – кто осуждает?*[13] Мы отнюдь не пытаемся канонизировать немощи и несовершенства отцов, поскольку, делая это, мы «деканонизируем» святых. Конечно, некоторые старцы имели немощи и недостатки, однако мы подчёркиваем их подвиги и добродетели для того, чтобы получить от этого пользу. Ведь эти подвижники тоже были носителями древнего монашеского духа святогорского Предания. К сожалению, нам удалось собрать весьма и весьма немногое, поскольку об этих отцах почти не осталось достоверных сведений.

• Мы старались подчеркнуть значение святогорского Предания, от сокровища которого *износятся новая и ветхая*.[14] Поскольку Предание живо, речь идёт не только о почивших

[12] В июне 1963 года торжественно праздновалось 1000-летие монашества на Афоне, в праздновании принимали участие представители многих Поместных Церквей.

[13] Рим. 8:33–34.

[14] См.: Мф. 13:52.

отцах, но и об отцах, подвизающихся ныне. При этом ныне живущие отцы не называются по имени и их духовное состояние мы не оцениваем.

Материал был собран с большим трудом и тщательностью. В книгу вошло только то, что составитель видел своими глазами и слышал своими ушами, либо позаимствовал из рассказов других старцев о прежде живших отцах. После проверки материал был изложен на бумаге – насколько возможно просто, искренне и без преувеличений.

Мы безмерно благодарны тем, кто доверил нам разного рода сведения (а таких людей очень много), и тем, кто смиренно потрудился для того, чтобы это издание увидело свет.

Да простят нас представленные в этой книге святогорские старцы за то, что мы дерзнули сделать явными их подвиги. Эти отцы уже не имеют нужды в похвалах, однако для нас, живущих, их примеры путеводительны и спасительны. Они – образцы, на которые мы должны равняться, они – наши проводники в Царство Небесное.

Да простит меня и Благий Бог за то, что я, не имея здравых органов духовного чувства, не осознавал той божественной благодати, которую скрывали в себе встреченные мною добродетельные старцы. Увы, пользы от знакомства с ними я не получил, из-за моей гордыни я недооценил их и пренебрёг ими, судя поверхностно. Пусть же, по крайней мере, получат пользу читающие. Пусть они молятся о потрудившемся над этой книгой недостойном монахе, только воспевшем подвиги святогорских отцов, но, к несчастью, так и не ставшем их подражателем.

Часть первая***Жизнеописания

Вид на Афон из Кареи

Вершина горы Афон

1. Иеромонах Григорий, духовник

Отец Григорий родился в славном своей историей городе Миссоло́нги и был одним из отроков, спасённых при героическом миссолонгском прорыве.[15] Его фамилия была Манола́тос, по всей вероятности, предки отца Григория были родом с острова Кефалония. Придя на Святую Афонскую Гору, он стал монахом и священником в Новом скиту, в каливе[16] святого Спиридона Тримифунтского. Видя добродетели отца Григория, насельники Нового скита предложили главенствующему монастырю святого Павла поставить его духовником.[17] Известно, что затем он отправился на поклонение в Иерусалим. Вернувшись из паломничества, отец Григорий какое-то время подвизался в каливе Честного Предтечи в скиту святой Анны.

Приблизительно в середине 1850-х годов отец Григорий ради более высокой духовной жизни переселился в Малый скит святой Анны, где стал подвизаться в каливе Успения Пресвятой Богородицы. Кроме отца Григория в его братстве были ещё двое: иеромонахи Косма и Дамиан.

Устав келии был таков: неопустительное совершение богослужений суточного круга и ежедневная Божественная Литургия. Накануне каждого воскресного дня вместе с отцами соседних келий они совершали всенощное бдение – то в одной, то в другой келии по очереди. В те времена район Малого скита святой Анны был очень бедным, безмолвным и безводным. Но все эти трудности превозмогала ревность отцов к жизни аскетической. Отец Григорий с братией жили за счёт рукоделия: они вязали свитера и носки, а также делали простую деревенскую обувь. Кроме этого, у них был маленький огород, чтобы обеспечивать себя необходимыми овощами.

---

[15] *Миссоло́нгский проры́в* – одна из героических страниц Освободительной войны Греции 1821–1829 годов. В Вербное воскресенье 10 апреля 1826 года около 3 000 греческих бойцов, женщин и детей прорвали блокаду города Миссолонги, осаждённого 50-тысячной армией турок и египтян. Почти все жители погибли во время боя и резни, учинённой ворвавшимися в город турецко-египетскими войсками.

[16] *Кали́ва* (греч. καλύβα – хижина) – небольшой отдельно стоящий домик, где живут один или несколько монахов. В каливе обычно нет храма, калива не имеет собственной земли.

[17] В греческой Церкви исповедовать может не каждый священник, а только тот, над кем архиерей совершил хиротéсию в духовника. В духовники избираются наиболее благоговейные священники, обычно старше 40 лет.

Отцы жили безмолвной и подвижнической жизнью, не отвлекаясь на лишнее и не занимаясь ненужным. Немногие посетители, осилившие подъём до их каливы, просили отца Григория принять их на исповедь, поскольку распространилась молва о добродетельном и рассудительном духовнике. Как духовник он отличался строгими принципами. Смотря на исповедовавшихся у него монахов сквозь призму подвижничества, отец Григорий был взыскателен, требовал акривии[18] и совершенства. Его отличали духовные сила и ве́дение. Он был настолько строгим постником, что в среду и пятницу никогда не разрешал себе вкусить пищи с растительным маслом, даже на Светлой седмице. Нравом отец Григорий был кроток, очень молчалив, сострадателен, благодать его души сияла и была видна другим. Образование у него было лишь самое элементарное, однако, постоянно читая Священное Писание и аскетические сочинения святых отцов, он приобрёл духовные знания.

Отец Григорий обладал огромным опытом, умел распутывать даже самые сложные духовные случаи, подобно искусному врачу предлагая исповедающимся те или иные духовные лекарства. Кроме этого, старец отличался прозорливостью в различении помыслов и виде́ний братии.

Однажды иеромонах Даниил из каливы Трёх Святителей пришёл к отцу Григорию и открыл на исповеди, что ему было виде́ние святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Он рассказал, как поспешил пасть в ноги Василию Великому, и тот подставил ему для поклонения большой палец ноги. Услышав этот рассказ, старец Григорий распознал бесовскую прелесть: «Да, батюшка мой, большому же бесу ты поклонился! Ты что же думаешь: если бы это и правда был святитель Василий, стал бы он перед тобой ногами своими трясти?»

У отца Григория исповедовался и известный на Святой Афонской Горе безмолвник Каллини́к. Однажды, когда приближался престольный праздник каливы отца Каллиника, он спросил духовника, можно ли на праздничной трапезе предложить пищу с растительным маслом, поскольку престольный праздник выпадал на среду. «Подвижники – они постятся всегда, – ответил отец Григорий. – Престольный ли праздник, не престольный – разницы им никакой». Так, на праздничной трапезе отцы вкушали сухари и варёные овощи без масла.

Послушник отца Каллиника часто ходил в Дафни, относя на почту письма своего старца. Нередко он был вынужден совершать богослужения суточного круга по чёткам в пути, однако мучился помыслом: считается ли это за службу? Вместе со своим старцем они спросили об этом своего духовника отца Григория, и тот задал простой вопрос послушнику:

– Скажи-ка, если бы по дороге в Дафни ты нашёл на тропинке кошелёк и взял его себе, то считалось бы это кражей?

– Конечно, считалось бы! – ответил послушник. – Это было бы грехом и я должен был бы в этом исповедоваться.

– Ну так если недоброе дело, сделанное по пути, считается недобрым и вредит тебе, тот как может не считаться богослужением та служба, которую ты совершил в пути по чёткам? Конечно, она считается службой, и не мучайся помыслами на этот счёт.

Однажды в Иверский монастырь пришёл страшный разбойник – капитан Георгакис. Он требовал причастить его и угрожал в противном случае сжечь монастырь. Отцы не знали что делать и позвали отца Григория. Старец, благодаря своей рассудительности, благодатью Божией успокоил разбойника, и тот, следуя его совету, сначала исповедался, выдержал пост, причастился Святых Христовых Таин, а затем в корне изменил свою жизнь.

Как-то раз в торговый день отец Григорий сидел в Кариес, продавая своё рукоделие. Выглядело это так: разложив на камнях вязаные чулки и свитера, он надвигал на глаза ску-

[18] *Акри́вия* (греч. #κρίβεια – точность, строгость) – принцип отношения к священным канонам, монашеским правилам и установлениям и вообще к Преданию Церкви с позиции строгой определённости и ненарушимости.

фью и, склонив голову, творил молитву Иисусову. В это время мимо проходил сосланный на Святую Гору патриарх Иоаким III. Вид старца, сидящего под навесом усыпальницы, держащего в руке чётки и опустившего взгляд вниз, произвёл на него сильное впечатление, и он спросил, кто это. Узнав, что старец – известный духовник отец Григорий, патриарх обрадовался, подошёл к нему и сказал:

– Отче, что же ты не расхваливаешь своё рукоделие? Оглянись вокруг: может, найдётся какой покупатель?

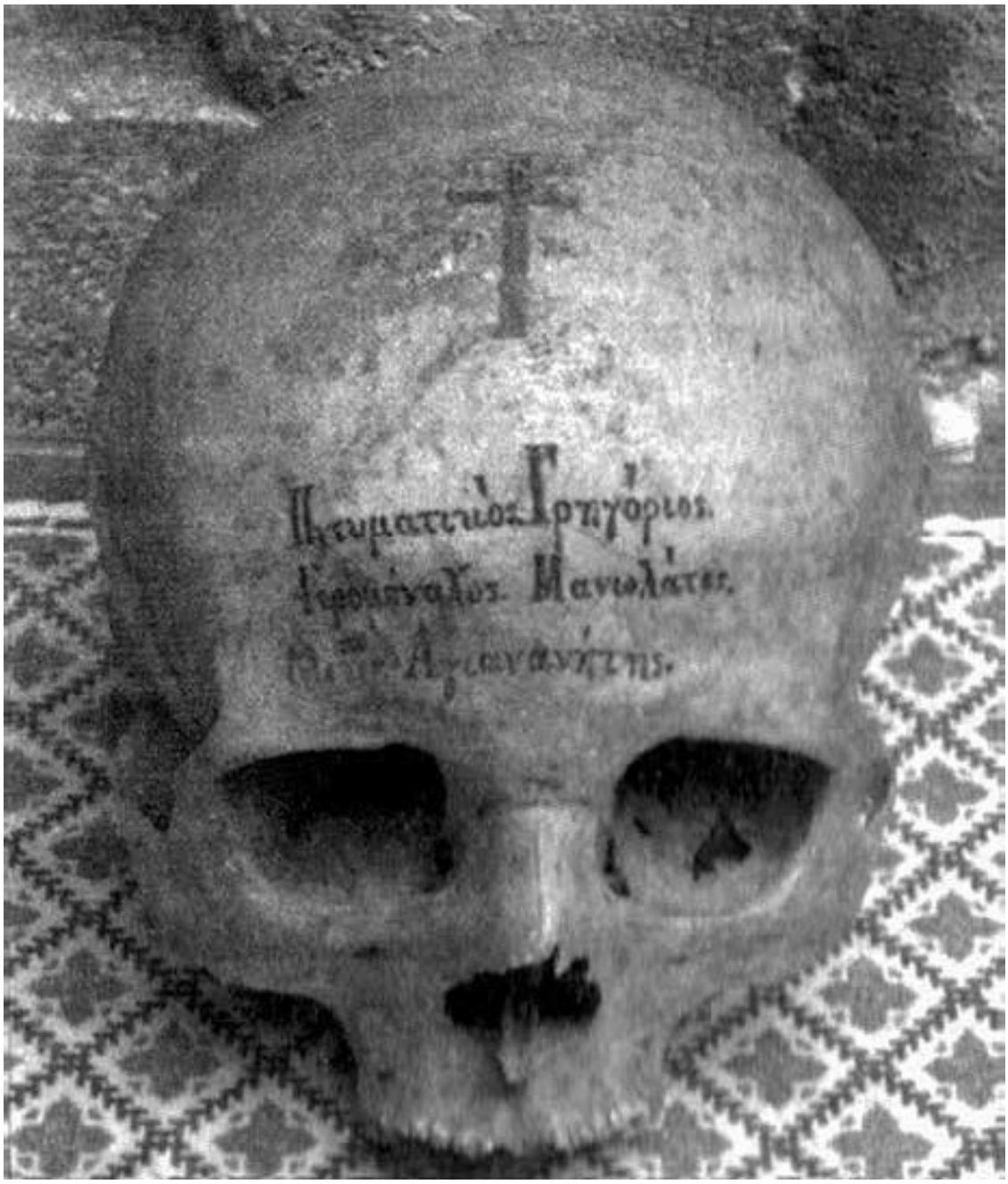
– Кому моё рукоделие нужно, Ваше Святейшество, тот и сам может ко мне подойти и купить, – ответил отец Григорий, не глядя на патриарха. – К чему же мне самому покупателей-то искать?

– Я подошёл к тебе, отец духовник, не для того, чтобы тебя искушать. Я хочу выбрать день и навестить тебя в твоей каливе, – сказал патриарх.

– Спасибо тебе, Ваше Святейшество, – смиренно ответил отец Григорий, – однако не бери на себя, пожалуйста, такой труд. Каливка моя очень маленькая, потолки в ней низкие-пренизкие, и патриархи в ней не помещаются.

– Что ж, пусть будет маленькая и низкая, – улыбнулся патриарх. – Я пригнусь и помещусь.

– Если бы ты, Ваше Святейшество, умел пригибаться, то был бы сейчас не здесь в ссылке, а сидел бы в Константинополе на высоком троне, – ответил отец Григорий, имея в виду бескомпромиссность и мужество этого великого патриарха.



Честная глава отца Григория

Келья Успения Пресвятой Богородицы, где подвизался отец Григорий

Патриарха привёл в восхищение лаконичный и удачный ответ духовника. Знакомство с отцом Григорием стало важной вехой в жизни Святейшего Патриарха Иоакима. Он действительно посетил старца в Малом скиту святой Анны. Старец стал духовником патриарха, и тот часто приходил к нему для исповеди и духовной беседы. Его Святейшество говорил, что отец Григорий – столп добродетели и монашеского жития. Патриарх подарил братству отца Григория литургические сосуды, церковные книги, а также бытовые предметы: тарелки, кружки и чашки. В те времена монахи жили бедно, и подаренная посуда кочевала из каливы в каливу окрестных скитов – отцы брали её на свои престольные праздники.

Однажды каливу отца Григория посетил епископ, приглашённый возглавить торжественное богослужение на престольном празднике в Великой Лавре. Владыка попросился на исповедь, однако старец, духом видя, что у того есть канонические препятствия к священству, не принимал его, говоря, что тот не окажет ему послушания. Епископ уверил отца Григория, что подчинится его слову, и старец принял его исповедь, после которой сказал, что епископ должен сложить с себя сан. Архиерей смиренно принял благословение духовника, однако переживал, что пригласившая его Великая Лавра в свой престольный праздник, который должен был наступить через несколько дней, останется без архиерейского богослужения. Тогда отец Григорий предложил епископу постриг в великую схиму, после которого, согласно православной традиции, архиерей уже не может литургисать. Владыка принял великий постриг и оставил архиерейство.

Зная добродетельное житие отца Григория, с ним поддерживали связь и отшельники, как свидетельствовал блаженнопочивший игумен монастыря Дионисиат, отец Гавриил. Вот что рассказывал старец Григорий отцу Гавриилу:

«В Великий Четверг я служил Божественную Литургию, в конце которой в крохотный храм моей каливки вошёл юный монах, державший в руке зажжённый фонарь. Он сказал мне:

– Не потребляй все Святые Дары, святый духовниче. Я за тобой. Нужно, чтобы ты пошёл со мной и причастил трёх братьев, которые живут там, выше.

Я не стал задавать лишних вопросов и, взяв Святые Дары, пошёл за ним. Очень скоро, несмотря на мой преклонный возраст и крутой подъём, мы с ним вошли в просторную пещеру, где нас ожидали трое монахов. Они сразу же причастились Святых Тела и Крови Христовых и, поблагодарив меня, смиренно попросили:

– Святый отче! Пожалуйста, приди причастить нас и на будущий год, тоже в Великий Четверг. Только просим тебя никому ничего не говорить о нас.

Естественно, я не дерзнул спросить их ни о чём из того, что видел и слышал, и в сопровождении того же самого юноши стал спускаться по тропинке. Вскоре юноша поцеловал святую дароносицу и сказал, что сейчас вернётся и догонит меня. Оглянувшись через полминуты, я увидел, что он исчез. Всё происшедшее потрясло меня. Однако, храня заповедь таинственных отшельников, я целый год никому ни о чём не рассказывал. А потом произошло вот что. У нас в скиту есть следующая традиция: вечером в Лазареву субботу все отцы приходят в соборный храм скита на всенощное бдение. После бдения, во время традиционного угощения, один из братии сказал:

– Как же низко пало нынешнее монашество! Сегодня уже нет отшельников, какие были раньше…

Тогда, по невниманию, я машинально произнёс:

– И сегодня, благодатию Божией, такие люди есть.

И на вопрос: “Где же?” – я ответил: “Вот здесь, на Эмоне[19]”, – и показал рукой.

На всех отцов произвели впечатление мои слова, но больше меня ни о чём не спрашивали, потому что все устали после всенощного бдения, были изможденны постом и готовились расходиться по своим каливам. Пошёл в келию и я, по дороге укоряя себя за то, что проговорился.

И вот в Великий Четверг во время Литургии в моём храме снова появился тот же самый юный монах и сделал мне знак, по которому я понял, чего он хочет. Закончив Божественную Литургию, я положил в дароносицу Святые Дары и пошёл за ним. Вскоре мы пришли в ту же самую пещеру, где были год назад. Отцы нас ждали. Причастившись Святых Христовых Таин, старший сказал мне:

– Зачем же ты, святый духовниче, нарушил нашу заповедь и открыл нас братии?

Я не нашёлся, что ответить, и он продолжил:

– Ну ладно, что же теперь делать… Но за то, что ты проговорился, на будущий год не приходи сюда с Пречистыми Тайнами. Если же ты придёшь, то застанешь нас такими, как будет угодно Всеблагому Богу. И снова просим тебя: не рассказывай о нас никому.

На этот раз я ушёл из их пещеры один. Я был поражён этими необыкновенными людьми и недоумевал: как они могли узнать, что я рассказывал в соборном храме скита? Наконец, я утвердился в мысли, что Бог послал мне встречу со святыми мужами.

В следующем году, взяв с собой только антидор и крещенскую воду, я с огромным трудом добрался до этой пещеры, где нашёл всех трёх старцев мёртвыми. (Четвёртый – юноша, безусловно, был ангелом Господним, который им служил.) Старцы лежали на полу пещеры. Их вид был очень мирен, руки скрещены на груди. Став на колени, я поцеловал их руки и лбы. Их святые мощи были высохшими, из чего я заключил, что они отошли в вечные обители в тот самый день Великого Четверга в прошлом году, после причащения Пречистых Христовых Таин».[20]

В другой раз отец Григорий совершал Божественную Литургию, и самом конце, когда он остался в храме один и собирался потребить Святые Дары, в храме появились семеро подвижников, одетых в лохмотья, но сияющих от божественной благодати. Их сопровождал Свет. Отец Григорий смотрел на них в изумлении.

– Святый духовниче, мы знаем твою жизнь, – сказали они. – Мы живём недалеко, выше тебя в горах, и просим, чтобы ты приходил причащать нас. Единственное требование: никому не рассказывай о нас, иначе больше не увидимся.

---

[19] *Э́мон* – одно из предгорий Афонской вершины.

[20] #π# τ#ν κ#πο το# παππο#. #κδ. τ# Περιβ#λι τ#ς Παναγ#ας, 1994. Σελ. 71–74.

Отец Григорий принял это условие, и вот время от времени к нему стали приходить семь «обнажённых-невидимых»[21] подвижников, и он их причащал. Отец Григорий заранее знал, когда придут невидимые старцы, и в те дни не потреблял Пречистые Христовы Тайны, но ожидал их, пребывая в молитве. Старцы входили к нему в каливу через заднюю маленькую дверь. Их внешний вид был дивно благообразен, они шли с преподобническим благоговением, мирными и смиренными шагами, один за другим. Они сияли от благодати аскетической жизни и с умилением причащались Пречистых Тела и Крови Господних. Они всегда были молчаливыми, слегка согбенными в небольшом полупоклоне. Они просили прощения и благодарили духовника, который их причащал. Наученный опытом, отец Григорий уже как следует хранил эту тайну и радовался, что Бог сподобил его послужить этим освященным монахам.

Но однажды к отцу Григорию пришёл на исповедь юный монах, которого душили помыслы. Он дошёл до отчаяния и решил возвратиться в мир, оправдывая себя тем, что, на Святой Афонской Горе якобы иссякла добродетель. Духовник пытался переубедить его, говоря, что это демонское наваждение, что добродетель есть, однако она сокрыта и не бросается в глаза. Юноша просил у старца осязаемых примеров, отказываясь верить его словам. Тогда для того, чтобы спасти душу монаха, духовник открыл ему тайну невидимых старцев. В день, когда должны были прийти семь подвижников, чтобы причаститься, отец Григорий посадил этого юношу в келейку напротив церкви так, чтобы он сам мог тайно увидеть старцев и убедиться в их существовании. Когда подвижники, как обычно, пришли и причастились, последний из них сказал старцу: «Святый духовниче, благодарим тебя, что ты столько лет преподавал нам Пречистые Тайны. Однако ты нарушил наш уговор и открыл нашу тайну. Больше ты нас не увидишь».

Юный монах пришёл в умиление и сокрушение от увиденного. Со слезами и сердечной болью попросил у духовника прощения, решив никуда не уходить со Святой Афонской Горы и подъять подвиг ради спасения своей души. Духовник с горечью ответил ему: «Ты-то получил пользу, а вот я из-за тебя потерял драгоценное сокровище, которое держал вот в этих самых руках».

После этого случая отец Григорий впал в глубокую скорбь из-за того, что потерял общение с равноангельными святыми отшельниками – невидимыми отцами, и, когда пришло время, скончался в 1899 году – на 90-м году своей жизни.

Перед кончиной старец со всеми подробностями рассказал своему братству о невидимых подвижниках, сделав это к утверждению, пользе, назиданию и во славу Божию.

Когда останки отца Григория доставали из могилы,[22] его честная глава имела цвет святых мощей,[23] и многие из присутствующих почувствовали благоухание.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

---

[21] Согласно с живым и многократно подтверждённым святогорским Преданием, существуют семь или, по другим вариантам, двенадцать монахов, которые живут в предгорьях Афонской Горы. Эти монахи ведут совершеннейшую аскетическую жизнь и постоянно молятся за весь мир. Когда один из них умирает, его место замещает кто-то другой, и таким образом их количество остаётся неизменным. «Обнажёнными» они называются в переносном смысле, поскольку облачены в старые рваные рясы, а невидимыми – так как по благодати Божией они обычно сокрыты от людских глаз. – *Прим. сост.*

[22] По святогорской традиции тело усопшего монаха через три года после кончины достают из могилы и складывают кости и череп в усыпальнице.

[23] По афонской традиции считается, что жёлтый, восковой цвет останков монаха свидетельствует о его угождении Богу.

2. Иеромонах Даниил, исихаст из келии святого Петра

Иеромонах Даниил из келии святого Петра[24] был великим исихастом своего поколения и подражателем преподобного Петра Афонского – первого и величайшего афонского исихаста. Отец Даниил подвизался в том же самом месте, что и преподобный Пётр. Поскольку после кончины отца Даниила прошёл уже почти век, а жизнь его была предельно скрытой, то мы можем представить здесь лишь некоторые факты его аскетической биографии.

Место его рождения и жизнь до того, как он стал монахом, неизвестны. Достоверно, что он принял постриг в келии святого Петра от благоговейного старца и духовника иеромонаха Антония,[25] который, согласно документам из архива Лавры, стал старцем келии 15 сентября 1874 года.[26] Когда отец Даниил достиг высот в монашеских подвигах, его старец рассудил, что он достоин принять благодать священства. Отец Даниил был хиротонисан в Лавре во диакона и пресвитера. После этого до конца своей жизни он ни разу не покинул место своего безмолвия – келию святого Петра.

Иеромонах Даниил был записан старцем келии и духовником 1 апреля 1909 года. По всей вероятности, до этого времени ещё был жив его старец. Он имел следующий устав – каждую ночь совершал всенощное бдение. Он считал грехом, если темнота застанет его в кровати. Старец отдыхал после обеда, а когда смеркалось, начинал своё всенощное бдение. В конце бдения всегда совершал Божественную Литургию, а в святую Четыредесятницу каждый день – Литургию Преждеосвященных Даров. Его Божественные Литургии продолжались часами, поскольку он часто был восхищаем в созерцание и от многого умиления ему было трудно произносить возгласы.

Утром старец немного отдыхал, а днём, надев рясу и куколь,[27] совершал необходимые работы по келии или исповедовал монахов. Он не прерывал своего духовного делания весь день и избегал общения и разговоров с людьми.

---

[24] *Ке́лия свято́го Петра́* – келия в высокогорной и труднодоступной местности, на полпути от Катунак к Афонской вершине.

[25] *#πισκ#που Ροδοστ#λου Χρυσοστ#μου.* Π#θος κα# χ#ρις στ#ν #θωνα. #γιον #ρος, 2000. Σελ. 221.

[26] Даты приводятся по церковному календарю (старому стилю).

[27] *Ку́коль, на́метка* – покров из лёгкой чёрной ткани, часть головного убора монахов. В отличие от русской традиции,

Около полудня отец Даниил вкушал свою скудную аскетическую трапезу и уходил в келию для того, чтобы отдохнуть перед бдением. Жизнь его была подвижнической и простой. В келии не было даже стёкол в оконных рамах. Она обогревалась камином и несколькими старыми кирпичными печками. Надо сказать, что в этих высокогорных местах глубина снега зимой превышает два метра.

Келия преподобного Петра Афонского

в Греции куколь не пришивается к камилавке, а надевается поверх неё на богослужении и трапезе.

Однажды некий старец послал своего послушника исповедоваться отцу Даниилу. Послушник подошёл к келии, постучал в дверь и произнёс: «Молитвами святых отец наших…» – однако ответа не последовало. Тогда он заглянул в окошко церкви и увидел, что отец Даниил стоит на коленях под паникадилом в молитве и в огненном пламени. Послушник в ужасе побежал обратно к своему старцу и закричал: «Геронда,[28] духовник горит!» Когда они вместе прибежали в келию святого Петра, то застали там «обычного» отца Даниила – тихого, мирного.

Отец Даниил взял себе послушника, постриг его в монахи и дал ему имя Антоний – в честь своего старца. Однажды послушник заболел и пошёл в Лавру, где остался до выздоровления. Всё это время на Литургиях, которые совершал отец Даниил, пел один из его соседей-монахов. Обычно старец сам совершал входные молитвы и проскомидию. В определённое время приходил этот монах, и они начинали Божественную Литургию. Однажды отец Даниил совершил проскомидию, но брат всё не появлялся, и он понял, что что-то случилось. В огорчении старец молился, не зная, что же ему теперь делать. В это время в церковь вошли три монаха, приложились к иконам, и отец Даниил в радости начал служить Божественную Литургию, а эти трое пели.

Когда Литургия завершилась, отец Даниил, желая разрешить своё недоумение, спросил их, кто они и каким образом оказались ночью в столь пустынном и высокогорном месте. «Мы ктиторы[29] монастыря Ивирон и нас послал Господь», – ответили они и тут же стали невидимы.[30]

Этот облагодатствованный священнодействователь Вышняго помимо всего прочего, преподавал Святые Тайны «обнажённым-невидимым» подвижникам, которые находились в тех пустынных местах.

У отца Даниила многократно бывал и старец Иосиф Исихаст, который жил от него в трёх часах пешего пути. Он приходил вместе со своим сподвижником старцем Арсением помолиться на Божественной Литургии и причаститься Святых Христовых Таин. Старец Иосиф говорил, что из всех подвижников, которых он знал, – а в те времена пустыня изобиловала добродетельными мужами, – отец Даниил был выше многих:

«Был и другой, ещё более удивительный подвижник, у святого Петра Афонского – отец Даниил, подражатель Арсения Великого. Крайне молчаливый, затворник, до конца дней служивший Литургию. Шестьдесят лет он ни на один день не помышлял оставить божественное священнодействие. А в Великий пост во все дни служил Преждеосвященные Литургии. И, не болея до последних дней, скончался в глубокой старости. А Литургия его продолжалась всегда три с половиной или четыре часа, ибо он не мог от умиления произносить возгласы. От слёз перед ним всегда увлажнялась земля. Поэтому он не хотел, чтобы кто-то посторонний находился на его Литургии и видел его делание. Но меня, поскольку я очень горячо его просил, меня он принимал. И каждый раз, когда я ходил к нему, три часа шагая ночью, чтобы предстоять на этом страшном воистину Божественном зрелище, он говорил мне одно или два слова, выйдя из алтаря, и сразу скрывался до следующего дня. Он совершал до конца жизни умную молитву и всенощное бдение. У него я взял устав и нашёл величайшую пользу. Ел он двадцать пять дра́ми[31] хлеба каждый день и весь возносился ввысь на своей Литургии. И пока земля у него под ногами не превращалась в грязь, не заканчивал Литургию».[32]

---

[28] *Ге́ронда* (от греч. γέρων – старец) – почтительное обращение к духовному лицу.

[29] *Кти́тор* (от др. – греч. κτίζω – строю, созидаю) – основатель монастыря либо благодетель, чьими усилиями была построена (восстановлена) обитель.

[30] *#πισκ#που Ροδοστ#λου Χρυσοστ#μου.* Π#θος κα# χ#ρις στ#ν #θωνα. Σελ. 222.

[31] 25 драми составляют 80 грамм.

[32] *Иосиф Исихаст*. Выражение монашеского опыта. / Пер. иером. Симеона (Гагатика). ТСЛ, 2006. С. 70–71.

Старец Иосиф Исихаст вместе со старцем Арсением в благодарность отцу Даниилу помогали в работах по келии, например, строили каменную террасу.

Кроме отца Антония в келии старца Даниила был ещё один послушник – отец Пётр, которого также звали Петракисом. Он был подражателем исихастского образа жизни своего старца и отца Гедеона – человека образованного, впоследствии рукоположенного в иеромонаха.

Послушник старца отец Антоний страдал человекоугодием и перед гостями пытался показать себя добрым послушником. Смиряя его, отец Даниил звал его как маленького: «Антон! Эй, Антон!»

Когда отец Даниил впервые увидел летящий самолёт, он с удивлением воскликнул: «Что это такое? Мир погибнет!»

Почувствовав, что дни его на исходе и конец его приближается, отец Даниил надел рясу и начал ходить по двору своей келии. Он поглядел на небо, потом обвёл взором всё вокруг и, вздохнув, сказал: «О, суета сует, всяческая суета». В тот же самый день, совершив Божественную Литургию, он преставился ко Господу. Старец Даниил отошёл в вечную жизнь мирно, без болезней, исполненный дней, обогащённый добродетелью и божественной благодатью. Это произошло в 1929 году.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

3. Старец Филарет Карульский, нестяжатель

Карульский старец отец Филарет родился в 1889 году в предместье Константинополя Ри́сион. Его родителями были Апостолос и Мария Базмаци́дис. Во святом крещении мальчику было дано имя Фотий. По всей видимости, в детстве отец Филарет был научен от своих родителей доброму нраву и получил достаточное образование. Он почувствовал влечение к монашеской жизни, и в возрасте 19 лет оставил своих родителей и родину, придя на Святую Афонскую Гору в монастырь Ставроникита. Это произошло 17 августа 1908 года. В следующем году он стал монахом, и ему было дано имя Филимон. Его старцем был иеродиакон Иеремия. Отец Филимон был пострижен в великую схиму старцем Кириллом Слепым 10 августа 1918 года, и ему было дано новое имя – Филарет, а 8 марта 1919 года он был избран проэстаменом.[33] Первым послушанием отца Филарета было пономарское. В келии он совершал великие подвиги. Желая жить в пустыне как отшельник, он считал особножительный монастырь наиболее пригодной средой для того, чтобы подготовиться к этому.

Иеромонах Хризостом, старый насельник монастыря Ставроникита, рассказывал, что когда он только пришёл в монастырь, старец Филарет окружил его своей заботой и любовью, принимал в своей келии, угощал его. В турке, в которой готовили кофе, отец Филарет варил фасоль ему и себе, а во время этой аскетической трапезы предлагал юному монаху поучение о монашеской жизни из своего многоценного опыта.

Когда отца Хризостома поставили на послушание помощника пономаря, один из проэстаменов дал ему сосуд, в котором было пять ок[34] масла, и строго велел следить, чтобы этого масла хватило на весь год, поскольку, сказал он, больше масла не будет. Естественно, выполнить это требование было невозможно. В недоумении отец Хризостом спросил старца Филарета что делать. Тот с уверенностью ответил, что масла хватит:

– Когда ты наполняешь маслом лейку, то перед тем, как доливать в храмовые лампады, подойди к иконе Пресвятой Богородицы, перекрести лейку и попроси Матерь Божию благословить это масло, – посоветовал отец Филарет.

---

[33] *Проэста́мен* – один из нескольких монахов особножительного монастыря, координирующих общие административно-хозяйственные вопросы обители.

[34] *О́ка* – мера твёрдых и жидких продуктов. 5 ок масла составляют примерно 6 литров.

Так отец Хризостом и поступал ежедневно, и – о чудо! – пяти ок масла хватило на весь год, и даже ещё осталось.

Отец Филарет дал отцу Хризостому и такой совет: если он увидит на море шторм и судно в опасности, то пусть возьмёт лампаду от иконы святителя Николая и выльет это масло в море, чтобы шторм прекратился. Как-то на Страстной седмице отец Хризостом пошёл на море посмотреть, попалась ли рыба в сети. Ставроникита был самым бедным монастырём, и поэтому на Пасху отцы не имели возможности заказать себе яйца, сыр и рыбу. Каждый монах заботился о себе сам. Спустившись к морю, отец Хризостом увидел вдалеке маленький кораблик, который отчаянно боролся с волнами. Вспомнив о совете отца Филарета, он побежал в церковь, взял лампаду от иконы святителя Николая и спустился к пристани. Дул сильный ветер, и на поверхность воды попало лишь несколько капель масла. Несмотря на это, вскоре ветер прекратился и море утихомирилось. Отец Хризостом увидел, что кораблик пошёл к ватопедской пристани. Разгрузив там рыбу, яйца и сыр, кораблик снова вышел в море и прибыл к пристани Ставроникиты. Моряки позвали отцов и спросили их, какого святого они почитают. Услышав, что покровитель монастыря – святитель Николай, они выгрузили на пристань гору пасхальных благословений для отцов в благодарность спасшему их святителю.

Старец Филарет был очень внимательным в своём послушании. Он очень любил богослужение, в своей келии держал пост, совершал всенощные бдения и молитвы так, чтобы об этом не ведали другие отцы. Зная, что основание духовной жизни есть смирение, старец время от времени вытворял разного рода Христа ради юродства, с одной стороны, для того, чтобы его презирали и смиряли, а с другой – чтобы его освободили от обязанности проэстамена и он мог бы удалиться из особножительного монастыря и навсегда переселиться для исихастской жизни в пустыню.

Юродства отца Филарета были, например, такие: однажды он без благословения уехал из монастыря в мир, где «совершал противные монашеству бесчинные действия, выставляя на посмешище святую обитель и монашеский образ». Когда его вызвали на Духовный собор, он дал следующее объяснение:

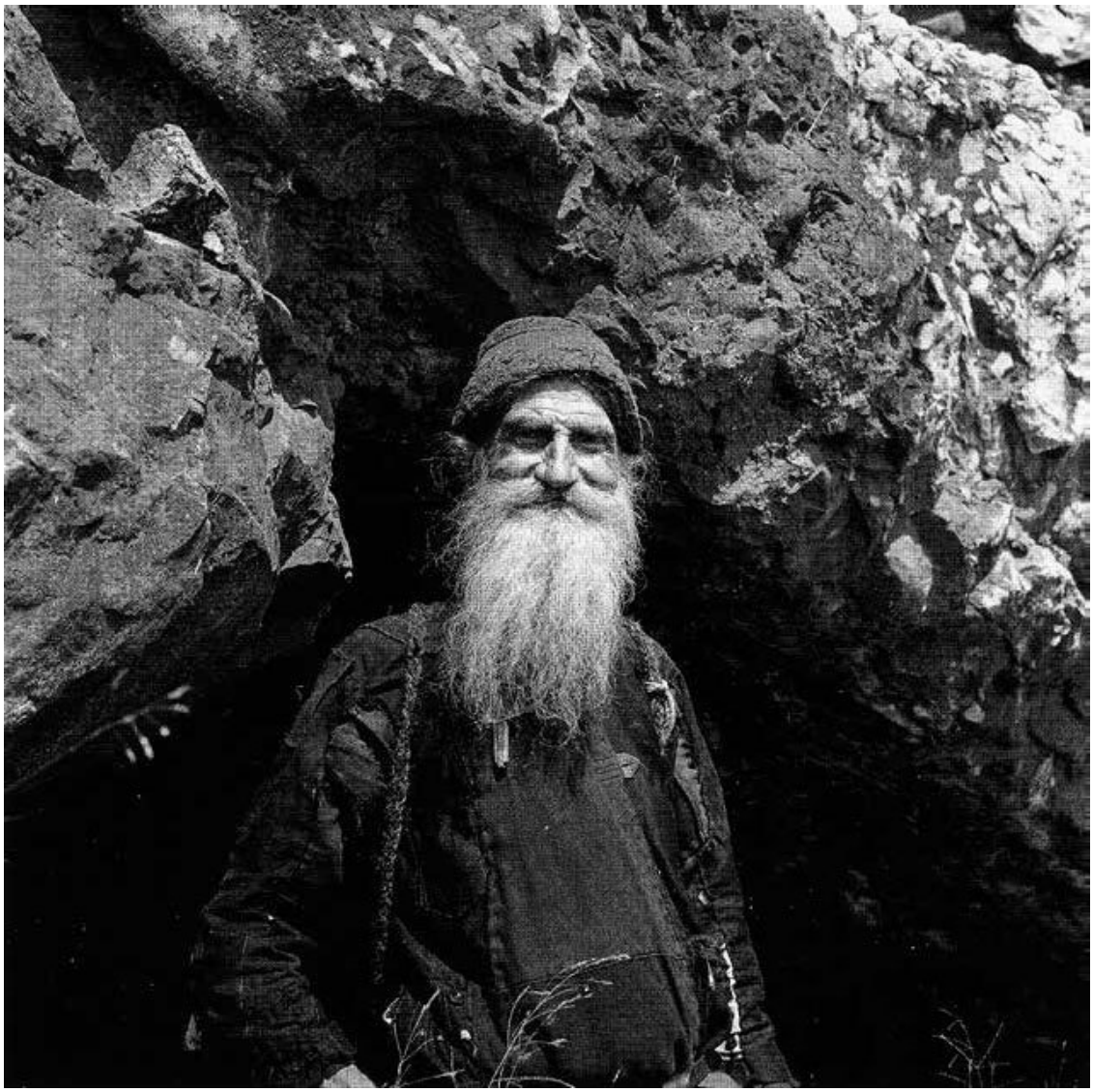
«Я тайно удалился из обители, сделав это сознательно. Я приплыл на остров Тасос для того, чтобы чрез сие действие быть обвинённым как преслушник и человек слабоумный, и в результате освободиться от звания проэстамена, оставшись в обители в качестве простого брата. Ныне же я заявляю, что слагаю с себя обязанности проэстамена по собственной воле и без принуждения, делаю это по причине моей слабости и неспособности. Святая обитель может использовать меня, начиная с сегодняшнего дня, как простого насельника и определить меня на любое благословенное послушание, которое она посчитает нужным».[35]

Старец подал в Духовный собор письменный отказ от обязанности проэстамена и 12 января 1921 года принял послушание келаря.[36]

---

[35] Протокол собрания Духовного собора от 1 октября 1920 года.

[36] *Ке́ларь* – заведующий монастырским столом, кладовой со съестными припасами и их отпуском на монастырскую кухню.



Старец Филарет Карульский

Старец Филарет говорил отцу Хризостому: «Видно, для того, чтобы мне уйти из монастыря, надо было тебе прийти на смену». Оставив отца Хризостома своим преемником по послушанию, 12 марта 1921 года старец Филарет ушёл в пустыню. Пожив короткое время на побережье скита святой Анны, он удалился на Карулю,[37] где поселился в крохотной келии с церковкой, длиной в два метра, низко в скалах у воды. В этой церковке изредка, когда ему удавалось найти священника, совершалась Божественная Литургия.

Старец был настолько нестяжателен, что не хотел иметь запасов продуктов даже на два дня. «Я ведь завтра могу умереть», – говорил он. Старец всегда ходил босиком. Некоторые братия давали ему ботинки, а он, поносив их один день, отдавал другим. Его подрясники и рясы были старые, со многими заплатами и с «бахромой», однако он содержал их в чистоте.

У старца была кружка. Он говорил, что с помощью этой кружки делает сразу три дела: пьёт из неё воду, использует её в качестве половника, когда готовит пищу, и в качестве мастерка, когда строит что-то из камня.

Будучи нестяжателем, абсолютно нищим, одетым в рубище и необутым, старец по своей великой любви жертвовал своим безмолвием и ходил по соседним келиям собирать

[37] *Каруля́* – скалистая, неприступная оконечность Афонского полуострова, место подвигов многих аскетов.

милостыню. После этого он шёл в другие келии – к более нищим, чем он сам, старцам и раздавал всё собранное.

Рукоделия отец Филарет не имел никакого. Он занимался умной молитвой. Молясь, он не держал в руках чёток, но произносил молитву Иисусову, делая пальцем такие движения, словно перебирает чётки. Все богослужения суточного круга он совершал, произнося Иисусову молитву, и единственной книгой в его келии был авва Исаак Сирин. Этого святого отец Филарет имел тайноводителем и учителем.

Для большего безмолвия время от времени отец Филарет прятался в расщелинах скал, где молился на протяжении многих часов и даже дней. Бесы воздвигали на него брань, являлись перед ним, и он изгонял их знамением Честного Креста и возглашением: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его…» Иногда бесы со страшным грохотом бросали камни на жестяную крышу его каливки, однако при этом она оставалась невредимой.

Старца украшали великая простота и совершенное странничество. Он не знал о том, что в миру есть люди, никого ни о чём не спрашивал, не знался ни с кем, кроме монахов. Верил в то, что во всём мире существует только он сам и Бог. Он очень строго постился. Обычно старец вкушал плоды кактусов[38] и сухой хлеб. Кроме того, он собирал дикий сельдерей, варил его, и одной такой варки ему могло хватить на неделю. Когда к нему приходил духовник со Святыми Дарами, то, причастив, быстро уходил, потому что не мог терпеть зловоние, которое издавала пища старца – полусгнившая трава. Отец Филарет советовал и отцу Гедеону, который тогда был молодым монахом:

– Ты, сынок, кушай вот такую травку, а в конце съешь сухарик. Делай так и выживешь.

Однако несмотря на то, что старец Филарет жил предельно аскетично, некоторое время он перестал причащаться. Он исповедался духовнику в том, что накануне Святого Причастия «съел окуня». Услышав это, духовник не разрешил ему причаститься. Один рассудительный старец, догадавшись, что здесь кроется какая-то ошибка, начал расспрашивать отца Филарета и докопался до истины. «Окунем» старец называл изъеденный червяками сухарь. Он не знал, что окунь – это рыба. По всей вероятности, кто-то сказал ему это в шутку, а он поверил и стал говорить другим, что ест окуня. Старец Филарет имел тонкий о́рган духовного чувства и исповедовался предельно чисто, с глубоким покаянием. Например, по прошествии многих лет он вспомнил и поисповедовался в том, что, находясь в монастыре Ставроникита на послушании садовника, обрывал крохотные плоды кабачков, не давая им вырасти. Старец считал это несправедливостью и безутешно плакал.

В те годы в келии святого Петра жил один старец, который подолгу отсутствовал в келии – он трудился на сборе лесных орехов. Этот старец сам попросил отца Филарета какое-то время пожить в его келии в качестве сторожа. Старец Филарет согласился, прожил в этой келии около трёх месяцев, однако там ему было не по душе, и он вернулся на Карулю. Когда старец келии святого Петра вернулся со сбора орехов, то потребовал с отца Филарета «арендную плату» за те месяцы, которые он прожил в его келии. Конечно, ни о какой арендной плате речь ранее не шла. Денег у старца Филарета не было, и поэтому он расстраивался и винил в случившемся себя. Встречая старца из келии святого Петра на тропинке, клал ему поклон и говорил: «Прости, благослови меня! Я потерял годы своей монашеской жизни! Увы, я не могу отдать арендную плату, которую я тебе должен». В конце концов, когда о происходящем узнали другие отцы, они сделали замечание старцу келии святого Петра, который несправедливо требовал денег у нестяжательного подвижника. Лишь после этого он прекратил беспокоить чудесного отца Филарета.

[38] На Афоне произрастает кактус цабр (греч. φραγκόσυκο), плоды которого едят в свежем виде.

Старец имел чистое покаяние и самоукорение. Он был очень мирен, никогда ни с кем не ругался. Однажды старец пришёл в келию Данилеев.[39] Как всегда, он был бос, тогда данилейский старец отец Геронтий сделал ему очень строгое замечание, отчитав его: «В другой раз не приходи сюда босым, надевай ботинки. Ах ты, лицемер, ишь изображаешь из себя святого!» Это произошло в присутствии многих паломников и молодых монахов, однако отец Филарет принял замечание невозмутимо и положил отцу Геронтию поклон, повторяя: «Прости меня, прости меня».

В следующий раз старец пришёл к Данилеям в ботинках и снял их за дверью келии. Все поразились его смирению. Тогда старец Геронтий отозвал его в сторонку и объяснил, что в прошлый раз сделал ему замечание, чтобы послушники учились самоукорению и смирению, научились говорить: «Прости, благослови», – а сам старец Филарет пусть ходит босой или обутый, как ему нравится.

На праздники подвижники Карули собирались в одной из калив, где была церковь, совершали службу, пели молебный канон и, если у них не было священника, сами читали Евангелие. Старца Филарета как грамотного просили читать Евангелие, и он читал его нараспев – как читают его священники в Греции. Один старец сделал ему замечание, что не следует читать Евангелие так, поскольку он не иерей. Отец Филарет сказал: «Простите, благословите», – но, продолжив читать, увлёкся непреодолимым желанием и снова стал произносить слова нараспев. Он делал это не для того, чтобы кому-то что-то показать, а по простоте и благоговейному расположению – как певческое приношение. На трапезе ему сделали прилюдное замечание, и он положил всем поклон со словами: «Благословите, отцы, я потерял годы моей монашеской жизни. Ну вот, снова читал Евангелие нараспев».

Как-то братство отца Герасима Песнописца[40] начало строить церковь в пещере Святых Отцов. Некоторые из братии скита, боясь, как бы стройка не осталась незаконченной, говорили, что лучше бы она и не начиналась. Старцы, слыша этот ропот, расстраивались. Тогда однажды их посетил старец Филарет и сказал: «Отцы, дело ваше богоугодно. Я видел святого Дионисия над пещерой, видел, как он благословляет её. Он сказал мне, что церковь в этой пещере будет хранить он сам и что эта церковь простоит до скончания века». С того времени старец Филарет по ночам стал тайно приходить в эту пещеру и там молиться.

За месяц до кончины у старца Филарета заболел желудок, и он ничего не ел. Старец предчувствовал свою кончину и готовился к ней. Попросив прощения у всех отцов-соседей, старец, не имея никого рядом, предал свой дух в руце Божии в 1956 году в возрасте 67 лет. Отцы нашли его бездыханным, со скрещёнными на груди руками, и похоронили в могиле, которую он сам себе приготовил. В его келии нашли корыто, в котором старец стирал свою одежду в морской воде. Кроме корыта в келии старца были ещё две вещи: одно одеяло и одна книга – «Слова» аввы Исаака Сирина. Его сосед старец Гавриил Карульский после обретения мощей отца Филарета хранил его останки в одной пещере вместе с останками своего старца Серафима. Честная глава старца Филарета – медово-жёлтого цвета.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

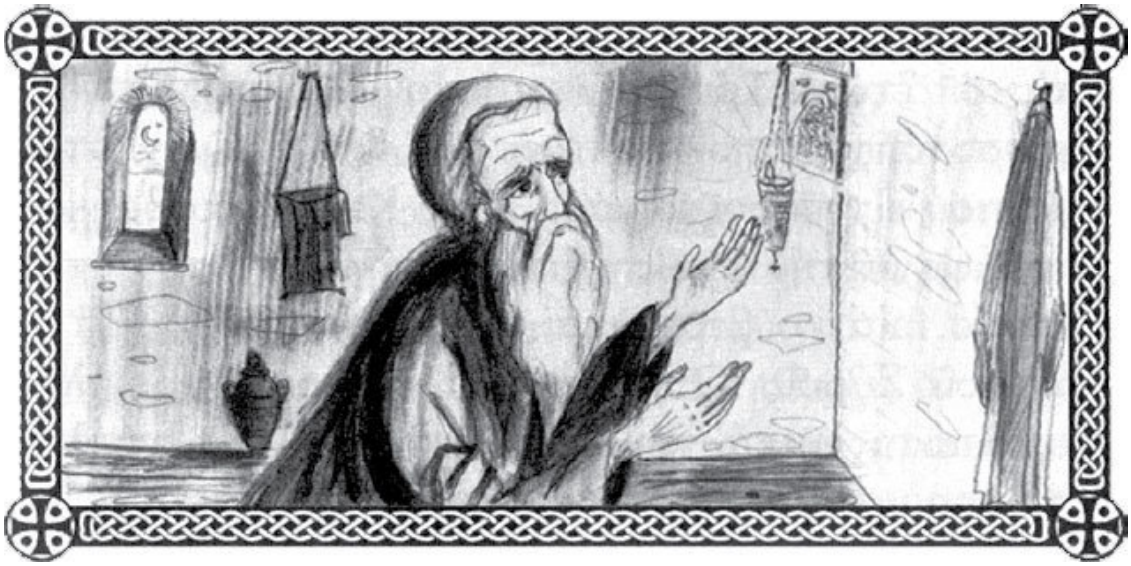
Аминь.

---

[39] *Ке́лия Данилее́в* – большая общежительная келия на Катунаках с храмом в честь Преподобных Отцов, на Святой Горе Афонской просиявших, основанная в 1880 г. блаженным старцем Даниилом, другом святителя Нектария Эгинского.

[40] *Мона́х Гера́сим Песнопи́сец* (1905–1991) – добродетельный старец, подвизавшийся в Малом скиту святой Анны и за свои литургические труды удостоившийся от Вселенской Патриархии в 1955 году титула «Гимнограф Великой Христовой Церкви». Один из наиболее талантливых и плодовитых составителей православных богослужебных последований поствизантийской эпохи. Творческое наследие отца Герасима составляет более 37 тысяч страниц, на церковнославянский язык почти не переведено.

4. Исихаст Пётр, которого также называли Петракис



В миру его звали Георгий Лагио́с. Он родился в 1891 году на острове Лемнос.[41] По всей вероятности, в юности Георгий попал под дурное влияние, начал пить и часто злоупотреблял алкоголем (мы приводим этот факт по воспоминаниям людей, знавших старца в миру, и делаем это для того, чтобы были понятны некоторые особенности его монашеского подвига). Однако Благий Бог, увидев доброе произволение Георгия, дал его простой и редкой душе огненное покаяние, и он приехал на Святую Афонскую Гору для того, чтобы стать монахом. Это произошло в 1908 году.

Георгий искал жизни безмолвной. В то время на Афонской Горе был широко известен великий исихаст иеромонах Даниил из келии святого Петра. Стремление Георгия к безмолвию направило его стопы к отцу Даниилу – в самые удалённые и безмолвные места в предгорьях Афона, в келию, где подвизался преподобный Пётр Афонский – первый и величайший афонский исихаст. Георгий поступил в послушание к иеромонаху Даниилу, старался подражать ему в подвигах и во всём отсекать перед ним свою волю.

Послушнический период Георгия продлился дольше чем обычно. Только в 1926 году он был пострижен в монахи с именем Пётр. От своего освящённого старца он научился практической монашеской жизни и был посвящён им в тайны безмолвия, трезвения, затвора и непрестанной умной молитвы. Все эти делания отец Пётр не оставлял до самой смерти.

Принося глубокое покаяние за совершённые в ведении и неведении прегрешения юношеской жизни, отец Пётр попросил у своего старца благословение в течение трёх месяцев вовсе не пить воды для того, чтобы Бог простил ему грех пьянства. Это благословение старец ему дал. Конечно, эти три месяца отец Пётр ел на трапезе, в том числе разного рода овощи и травы, однако воды всё это время он действительно не пил.

Он всегда был готов на аскетические подвиги, преисполнен мужества. С великой простотой, которая отличала отца Петра, он оказывал своему старцу совершенное послушание. То доброе начало, тот духовный фундамент, который он заложил в своей монашеской юности, во многом определили его светлый путь.

---

[41] *Ле́мнос* – остров в Эгейском море, принадлежит Греции.

Приблизительно в 1929 году скончался отец Даниил. После его кончины отец Пётр несколько лет прожил вместе со своими духовными братьями.[42] Потом один из них оставил Святую Гору и вернулся в мир. Остальные один за другим ушли из жизни земной и, по всей вероятности, отцу Петру стало трудно жить одному. Кроме этого, пришли страшные годы немецкой оккупации и голода.[43] По этим причинам в 1942 году отец Пётр был вынужден оставить келию своего пострига и переселиться в маленькую заброшенную каливу в Малом скиту святой Анны. Калива, в которой продолжил свой подвиг отец Пётр, находится чуть выше келии святого апостола Фомы и чуть ниже тропы, которая ведёт в Катунаки.[44] С тропы её не видно, потому что она находится внутри скалы. В каливе – две крохотные и низенькие комнатки. Внутренняя дверь ведёт из каливы вглубь скалы, где расположена довольно просторная пещера с отверстием, через которое в неё попадает свет. В этой пещере старец уединялся для большего безмолвия.

Эта пещера и стала духовной мастерской отца Петра, его духовным ульем. Сам он называл это место «моя сладкая Катуни».[45] Калива была для старца земным раем: живя там, он наслаждался мёдом безмолвия и вкушал небесную манну, поэтому сердце и не тянуло его за стены пещеры и келии. У него не было желания выходить из каливы и разговаривать с людьми. Отец Пётр – маленький, бедный и неграмотный Петракис – был исихастом великой меры. Он стяжал непрестанную молитву, часто видел Нетварный Свет и уже в этой жизни переживал райские состояния.

Старец Герасим Песнописец рассказывал:

«Я был знаком со старцем Петром (Петракисом), подвизавшемся на Катунаках. Да, это был действительно святой монах. Он много молился и крепко подвизался. Готовил старец один раз в неделю и потом всю неделю этим питался. Однажды он пришёл в нашу келию необычный, какой-то особый. Плача, отец Пётр поведал мне, что этой ночью, когда он молился, его окружил белый преизливающийся свет и его келия наполнилась благоуханием. Он говорил, что в это время чувствовал неизреченные блаженство, сладость и мир. Он не знал, находился ли тогда в своей келии или вне её. Ко мне старец пришёл, чтобы посоветоваться, спросить, что это было. Говорит: *“*Отец, вот ты человек образованный, начитанный, так скажи мне, пожалуйста: может быть, это прелесть сатаны, может, в пережитом мною таится какое-то зло?” Однако всё то, о чём он мне рассказывал, было плодом не зла, но благодати. Рассказывая мне об этом, старец вновь был пленён необычным состоянием, вышел из себя. В какой-то момент его лицо внезапно просияло. Я растерялся, молчал и не перебивал. Отец Пётр продолжал говорить, а я, слушая его, запоминал и пытался разобраться в том, что слышали мои уши. Ни в одном его слове я не различил и следа прелести. Когда он закончил, я сказал ему: *“*Надо прославить Бога, Который удостоил тебя всего этого. Это от Бога, никакая это не прелесть”. Уходя, он попросил меня никому об этом не рассказывать и молиться Богу о том, чтобы Он помиловал и не попустил ему впасть в прелесть. Старец Пётр был человеком умной молитвы, монахом очень смиренным и простым».

По всей вероятности, когда отец Пётр приходил к отцу Герасиму, подобное событие произошло с ним впервые, потому что потом он переживал много сходных состояний, как впоследствии открыл старцу Паисию.[46] Старец часто видел Нетварный Свет, его непрестан-

---

[42] Духовными братьями на Афоне называются постриженники одного старца.

[43] В 1941–1944 годах Греция была оккупирована войсками нацистской Германии и её союзников – Италии, Болгарии и Румынии. Эта оккупация принесла много страданий греческому народу.

[44] *Катуна́ки* – принадлежащая Великой Лавре скалистая местность у подножия Афонской Горы, между Малым скитом святой Анны и Карулей, где расположено более 20 келий и калив.

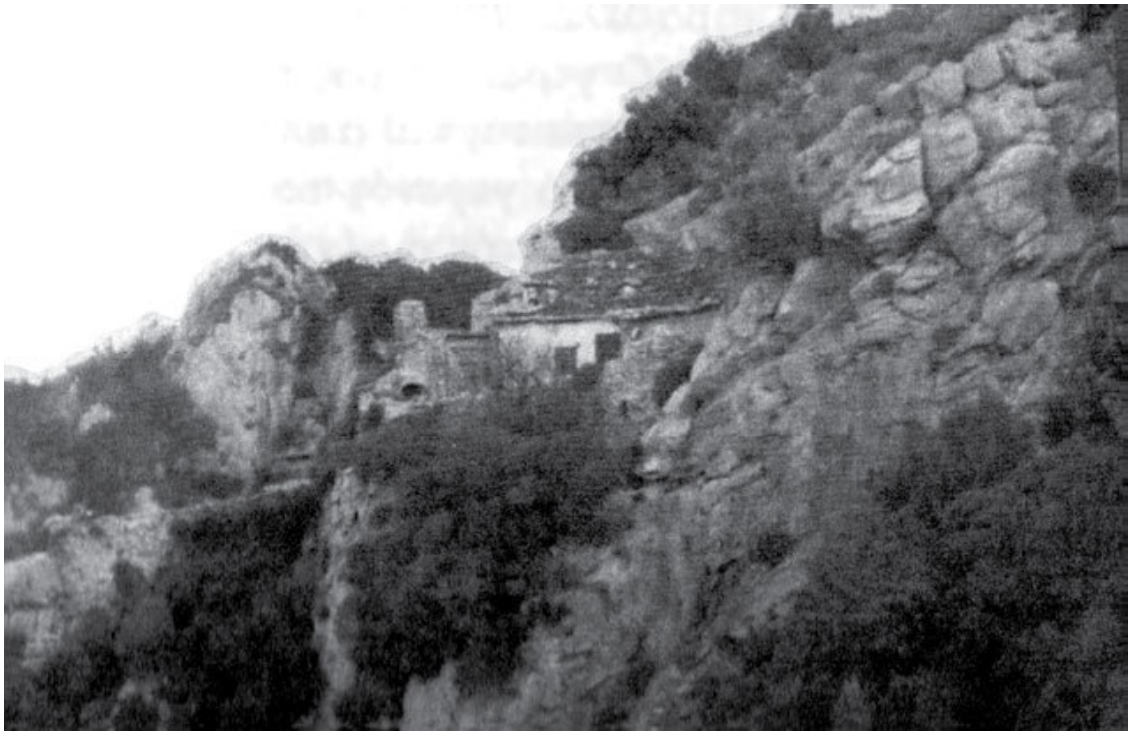
[45] *Кату́ни* – уменьшительная форма от Катунаки.

[46] *Старец Паисий Святогорец*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. М.: Святая Гора, 2009. С. 91–92.

ную молитву всегда сопровождали непрекращающиеся слёзы. Он вышел за границы уставов и правил.

Как-то раз некий старец спросил отца Петра, совершает ли он монашеское правило и богослужение суточного круга, и получил такой ответ: «Я ни правила не совершаю, ни богослужений не вычитываю. Когда заходит солнце, я сажусь есть, потом совершаю повечерие и сплю два часа. Просыпаюсь, когда уже стемнело. Тогда начинаю молиться по чёткам. После двух-трёх чёток ко мне приходят слёзы, и после этого до самого утра я не понимаю, где нахожусь. Летом я начинаю бдение с вечера. Когда выходит солнце, прихожу в себя и иду в келию». По всей вероятности, старец был восхищаем в созерцание.

«Не желая лишиться сладости Божией»,[47] отец Пётр жил затворником и избегал общения с людьми, чтобы не потерять общения с Богом. «Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединённым».[48] Когда к старцу приходили отцы и стучали в дверь его келии, он чуть-чуть приоткрывал окошко и спрашивал, кто там и чего он хочет. Если посетитель говорил, что принёс ему благословение с трапезы, то старец просил оставить это возле двери, но из келии не выходил, пока принесённое не начинало гнить. Он делал это специально – чтобы отцы видели сгнившие продукты и больше их не приносили.



Калива старца Петра

Однажды его спросили, почему он не выходит из келии. «Если я выйду из келии, – ответил отец Пётр, – то мы скажем лишнее».

Старец был нестяжателем. Один-два раза в год он выходил из келии для того, чтобы продать своё рукоделие (он плёл чётки) и запастись сухарями. Каждый день он не вкушал пищу до девятого часа, а пищу с елеем не употреблял почти весь год. Его обычной пищей был травяной чай[49] с сухарём. Часто старец воздерживался от пищи по три дня, причём делая

[47] Лествица. Слово 27, п. 27.

[48] *Преподобный Исаак Сирин.* Слово 41, О молчании.

[49] *Травяно́й чай* – часто в Греции в качестве чая заваривают цветы и листья железницы. Такой настой греки называют «горный чай».

это по велению сердца, а не только тогда, когда это предписывает церковный устав. Отец Пётр говорил иеромонаху Дионисию из Малого скита святой Анны, когда тот был молод:

«Чтобы жить в пустыни, надо быть хорошим поваром. Гляди: в воскресенье надо сварить фасоль и потом есть её до вторника. В среду в эту фасоль надо добавить немного водички и снова её отварить, а в четверг добавить туда помидорку. В пятницу – ещё немного соли и воды. Ну, а в субботу туда можно долить воды с мукой, а уж в воскресенье… да, в воскресенье приходит время готовить новое блюдо. Так на одной готовке можно прожить целую неделю».

Однажды, когда выпал снег, отец Дионисий (чья келия находилась на скале напротив) видел, как старец ходит взад-вперёд босиком по снегу. Отец Дионисий спросил, зачем он это делал, и тот по секрету рассказал, что был обуреваем плотской бранью и поэтому ходил босиком по снегу, преодолевая плотское разжжение.

Старец Пётр имел благодатное дарование видеть события, которым предстояло случиться. Однажды, по повелению свыше он пришёл к старцу каливы святого Харалампия в Новом скиту и сказал ему: «Геронда, приближается волк, который хочет утащить твою овечку, ты это знаешь? Твой послушник в опасности, ты наблюдаешь за ним? Будь к нему внимателен: иначе он уйдёт в мир и оставит монашество». И действительно, этого послушника душили помыслы, и он вынашивал план, желая уйти, а старец Пётр из своей кельи видел это. К несчастью, послушник ушёл в мир и женился, несмотря на все старания его старца.

Отец Пётр жил, совершенно не отвлекаясь ни на что постороннее. Летом он поднимался к Афонской вершине, объясняя это тем, что идёт собирать чай. Но в действительности старец шёл туда ради исихии. Там, высоко в горах, он предавался непрестанной умной молитве и созерцанию. Старец очень мало общался с людьми. Он старался жить невидимо для других, и поэтому о его жизни сохранилось очень мало сведений. Но, как говорят святые отцы, часто достаточно и одного слова, чтобы понять духовное состояние и внутреннее делание монаха. Ведь и одного глотка достаточно, чтобы распробовать вино, находящееся в большой бочке. Так и со старцем Петром. Если судить по тем немногим сведениям, которые сохранились, он, по всей вероятности, был человеком, преуспевшим в молитве. Отец Пётр был монахом молитвы, монахом внутреннего делания. Он был настоящим аскетом – монахом, понуждающим себя, подвижником, сочетающим практику и теорию.

Все отцы, знавшие старца Петра, говорят о нём самые добрые слова: «самый лучший в этих местах», «настоящий монах», «необыкновенно святой старец». И старец Паисий Святогорец говорил, что из подвижников, которых он знал, отец Пётр достиг наивысшей меры, и поэтому сам отец Паисий хотел стать его послушником.

Отец Ефрем Катунакский[50] имел глубокое благоговение к отцу Петру и говорил: «Встреча с этим человеком, беседа оставляли в сердце какую-то сладость. Он никогда не шатался по бдениям, чтобы рыбки поесть, никогда и никому не послужил поводом для соблазна. Прожить на Святой Горе всю жизнь и находиться со всеми в мире – это дорогого стоит».

Встречая на дороге других монахов, отец Пётр не говорил им обычное: «Благословите!» Он приветствовал их следующим – намного более глубоким – приветствием: «Отцы, мы уходим[51]».

Старец был очень деликатным человеком. Он избегал ночёвки в чужих келиях, чтобы и отцов не обременять, и самому не терять безмолвия и не нарушать своего устава. Однажды

---

[50] *Ста́рец Ефре́м Катуна́кский* (1912–1998) провёл 65 лет строгой подвижнической жизни на Святой Горе, духовный преемник старца Иосифа Исихаста, учитель послушания и молитвы.

[51] То есть умираем. – *Прим. сост.*

старец Иоаким Карейский из ватопедской каливы Вознесения убеждал старца переночевать у него, однако отец Пётр никак не соглашался. Из Кариес он пешком пошёл в Дафни. По дороге стемнело, начался дождь, и старцу пришлось ночевать в дупле большого каштанового дерева.

Почувствовав, что приближается кончина, старец оставил свою келию в Малом скиту святой Анны и пошёл умирать в келию своего пострига – каливу святого Петра, желая там оставить свои кости. Здесь он прожил несколько месяцев и скончался в 1958 году, в день памяти святого Петра Афонского, имя которого носил и в честь которого был освящён храм его келии. После его кончины нашли только несколько сухарей в старой корзине и полбутылки оливкового масла для лампады. Ни кровати, ни подстилки в каливе не было.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

5. Подвижник Гавриил Карульский

Старец Гавриил, великий карульский подвижник, родился в 1903 году в деревне Плата́ни в Ахайи.[52] Его отца звали Димитрий Воязо́глу, а мать – Пагона́. В крещении ему было дано имя Георгий.

Однажды, когда Георгий был ещё младенцем, мать, держа его в своих объятиях, приговаривала: «Когда мой сыночек вырастет, я его женю». А младенец ответил: «Я стану монахом». – «Ой-ой-ой, Боже упаси!» – испугалась мать.

Придя в совершенный возраст, Георгий стал полицейским и служил в Калама́те. Когда он принял непреклонное решение стать монахом, его сестра видела сон: брат уходит в монахи, а она осыпает его цветами. Он спросил её: «Ты хочешь, чтобы я стал монахом?» И она ему ответила: «А разве есть на свете что-нибудь лучше?» Когда впоследствии их родители вспоминали об этом, они очень сетовали, что сестра, зная о намерениях брата, ничего им не рассказала. Из-за этого они били несчастную девушку. Так позднее вспоминал сам старец.

В 1930 году, в возрасте 27 лет, Георгий оставил суету мира и прибыл на Святую Афонскую Гору, чтобы стать монахом. Сильное рвение и стремление к высшей аскетической жизни привели стопы Георгия на суровую Карулю – в самое сухое и лишённое утешений место на всём Афоне. Там, в одной пещере, при которой была церковь святых Архангелов, жил тогда старец Серафим. Этот отец Серафим, будучи молодым монахом, однажды преслушался своего старца Гавриила, основателя сего аскетирия,[53] и по попущению Божию стал одержимым. Его старец Гавриил с болью обратился к Архангелу на храмовой иконе, спрашивая:

– Что же с ним такое, мой святый Архангеле?

От иконы раздался голос:

– Я наказываю упрямца для того, чтобы он взялся за ум.

– Ну, давай тогда его исцелим, – попросил старец Гавриил.

Отец Серафим после этих слов тут же избавился от власти диавола и стал здоров.

---

[52] *Ахаи́я* – область на юге Балканского полуострова (на севере Пелопоннеса).

[53] *Аскете́рий* – уединённое монашеское жилище, место аскетических подвигов.

В другой раз отец Серафим поругался со своим старцем Гавриилом, и тот его прогнал. Отец Серафим пошёл к одному духовнику, рассказал об этом и получил следующий совет: «Возвращайся, мил человек, положи своему старцу поклон и сделай это с наибольшим по возможности смирением, поскольку диавол всеми силами навалился, чтобы погубить хотя бы одного из вас. И знай: вскоре один из вас отойдёт ко Господу». Отец Серафим вернулся к старцу, помирился с ним, а вскоре его старец, отец Гавриил, скончался.

Вот к этому-то старцу Серафиму и поступил в послушание юный Георгий и начал подвизаться в отсечении своей воли и самоотвержении.

17 марта 1933 года Георгия постригли с именем Гавриил в честь святого Архангела, покровителя аскетирия, и в честь его «духовного деда» – старца Гавриила.

В день пострига он увидел, как бес в образе обезьяны прыгает прямо перед ним. «Геронда, обезьяна!» – закричал отец Гавриил. «Скажи ей: “Во огнь вечный!”», – ответил старец. И как только отец Гавриил повторил эти слова, бес-обезьяна исчезла.

В послушании у своего старца отец Гавриил прожил шесть лет. Старец Серафим отошёл ко Господу вечером, сразу же после возгласа «Молитвами святых отец наших…» в конце вечерни, которую читал отец Гавриил. С почтением и любовью он похоронил старца и, имея в качестве напутствия его благословение, отдал себя бóльшим подвижническим подвигам. Это благословение он унаследовал, поскольку честно дослужил старцу до конца и его упокоил.

Отец Гавриил искал всё больших и больших подвигов: спал на досках и вместо подушки клал камень, держал строжайшие посты. В аскезе он «шёл по самому краю обрыва». Его обычной трапезой был один сухарь: он не ел ни горох, ни фасоль, поскольку считал их лакомством. Так, он ел только сухари, немного растолчённых в ступе миндальных орехов, а в августе – несколько смокв. Возле келии он посадил виноградную лозу, но виноград раздавал другим, отговариваясь, что сам не может есть его, потому что у него нет зубов. Также он питался дикими травами и листьями одуванчика. Подвижник не нарушал своего поста даже на Пасху. Такой образ жизни старец утверждал на апостольском изречении *подвизаяйся от всех да воздержится*,[54] понимая слова «от всех» во временно́м смысле. Однажды в монастыре Дионисиат на Пасху отец Гавриил попросил, чтобы ему дали то, что осталось от Страстной седмицы. Когда ему сказали, что всё уже выбросили, он в сам день Воскресения Христова поел только хлеба и маслин. Однажды старец оказался на трапезе в общежительном монастыре. В тот день было разрешение на всё, однако отец Гавриил не нарушил своего устава, не разрешил своего поста. Он ел только хлеб и маслины. В другой раз там же было предложено повидло. Увидев его, старец попросил: «Уберите отсюда эти сопли».

Свой пост отец Гавриил нарушал крайне редко. За последние 14 лет своей жизни он ни разу не вкусил пищи с елеем. В конце жизни, когда старца спрашивали, почему он так жёстко постится, тот отвечал: «Ну как почему? Монахом я несколько раз ел скоромное, но никакой пользы мне это не принесло. А когда я был мирянином, то ел много и за это сейчас держу посты».

Поскольку старец много постился, одни величали его постником, а другие осуждали как прельщённого. Отец Гавриил Дионисиатский говорил: «Он был великим аскетом, великим понудителем себя». Отец Геронтий из келии Данилеев вспоминал: «Он был один из великих аскетов, великий понудитель себя, однако уклонялся в крайности». Старец Паисий говорил, что «отец Гавриил был настоящий аскет». Старец Иларион утверждал, что «о старце Гаврииле надо писать книги». Иеромонах Григорий из келии Данилеев свидетельствовал: «Он как подвижник шёл по самому краю. Великое подвижничество! Возводя у себя

[54] 1 Кор. 9:25.

в келии каменные стены, он трудился на пределе человеческих сил. Он причащался на каждой Божественной Литургии, поскольку был великим постником».

Однажды братство Данилеев совершало поминовение в честь своего старца. После поминальной трапезы они послали одного молодого человека отнести еду с этой трапезы отцу Гавриилу. Увидев юношу, старец сказал: «Добрый мой мальчик, к чему столько труда? Слава Богу, в этом году Бог дал мне столько благословений. Гляди, сколько у меня картошки!» Сказав это, он показал юноше два-три килограмма картошки, каждая из которых была размером не больше куриного яйца. Варёные картофелины отец Гавриил считал изысканной пищей. Бобы он ел вместе со стручком. Старец посадил и несколько кустов мальвы, листья которой ел сырыми. Иногда, когда Данилеи что-то ему присылали, он в благодарность давал им стебли и листья мальвы, но только просил их не есть её сырыми, а отваривать.

Однажды, придя к Данилеям в день своего Ангела, отец Гавриил попросил у них горсть риса для того, чтобы украсить праздничную трапезу плошкой риса без масла.

В келии старца стоял глиняный горшок с мукой. Отверстие этого горшка было покрыто тряпочкой и перетянуто тесьмой. Одному посетителю старец предложил: «Ну-ка, давай посмотрим: не растащили ли воры-муравьи мою муку?» Он открыл сосуд и убедился, что «воры» ничего не растащили. Старец устраивал эти «представления» не просто так – он хотел, чтобы посетители видели, что у него есть мука, и думали, будто он замешивает из неё тесто и ест горячий хлеб.

Каждую ночь отец Гавриил совершал бдение – часов шесть-восемь. Среди кустов и колючек он расчистил узенькую тропу, примерно в полметра шириной и 40–50 метров длиной. Старец застелил эту тропу тряпками и домотканными ковриками и по ночам ходил по ней, творя Иисусову молитву. Он делал это для того, чтобы его не поборол сон, а когда уставал, то присаживался на пенёк или камень. Разравнивая эту дорожку, подвижник выбивался из сил, но он сделал это, потому что боялся бродить по краю пропасти возле своей келии, где диавол мог легко столкнуть его вниз. Совершая всенощное бдение внутри своей келии, отец Гавриил держался за верёвку, которая обоими концами была прикреплена к потолку. Старец совершал бесчисленные земные поклоны – словно в ногах у него были не мышцы, а стальные пружины.

В конце своих шестичасовых бдений старец кадил иконы своей церкви и пел: «Егда поставятся престоли, и отверзутся книги, и Бог на суде сядет…»[55] – вспоминая при этом Страшный суд. Желая не терять память смертную, он выкопал могилу недалеко от поклонной иконы Пресвятой Богородицы на тропе, ведущей к скиту святой Анны. Однако какой-то человек написал рядом с этой могилой: «Плод прелести», – и поставил стрелочку. Узнав об этом, отец Гавриил посоветовался со своим духовником, игуменом монастыря Дионисиат Гавриилом, и по его благословению могилу эту закопал.

Старец настойчиво и упорно избегал празднословия. Когда один знакомый священнослужитель захотел его посетить, он ответил: «Если хочешь, чтобы мы говорили духовно, приезжай, будем разговаривать весь день и всю ночь, но на празднословие у меня времени нет». Отец Гавриил был человеком молчания: он говорил и советовал, только если его спрашивали. Он обладал даром учительства.

Из собственного опыта старец Гавриил убедился в том, насколько губительна страсть осуждения, и избегал её. Некогда он осудил одного монаха, и потом всю ночь диавол будоражил, мучил и искушал его кошмарами. Он пришёл в ужас от этого искушения и хорошо понял то, что написано в «Лествице»: «Осуждение одно, само по себе, может нас погубить совершенно».[56] Людям, приходящим к келии старца, было сложно его заметить – он часто

[55] Триодь Постная. Неделя мясопустная. Вечерня, славник стихир на «Господи воззвах».

[56] Лествица. Слово 10, п. 15.

скрывался среди скал. Он избегал людей, потому что они начинали с любопытством расспрашивать: «Откуда ты родом? А что ты тут ешь? А как вообще ты тут живёшь?» и прочие глупости. Старец говорил: «Неужели ради этого я пришёл сюда? Я поселился в пустыне для того, чтобы терять своё время? Конечно, нет. Сюда я пришёл, чтобы иметь непрестанное общение с Господом, чтобы постоянно молиться».

Сам старец рассказывал, что иногда происходило следующее: «Бывает, приходят в каливу некоторые люди, чтобы просто со мной поболтать. Я сижу в скалах, они проходят совсем рядом, чуть ли не спотыкаются о мои ноги, но меня не замечают». Оттого, что старец молился, Бог делал его невидимым для любителей пустословия.

Высокопреосвященнейший митрополит Верейский и Наусский кир-Пантелеимон описывает своё первое посещение старца. Тогда владыка Пантелеимон был ещё учеником Афониады,[57] а со старцем Гавриилом он предварительно переписывался.

«Братия из келии Данилеев объяснили мне, как найти старца Гавриила. Следуя их указаниям, я с трудом спустился к крутым скалам под афонской вершиной и нашёл его келию. Постучал и стал ждать. Не последовало никакого ответа. Я снова постучал, и вновь ответом мне было молчание. Я закричал: “Отец Гавриил! Это я, Иоанн Калпаки́дис!” Опять никакого ответа. Абсолютное молчание.

Меня окружали только острые скалы, а внизу плескались морские волны. Я сел на камень и, следуя совету отца Нифонта, начал петь “Богородице Дево, радуйся…”, молебный канон Пресвятой Богородице и другие песнопения, которые помнил наизусть.

Время шло, но дверь не открывалась, отца Гавриила не было видно. Наступил полдень. Вдруг дверь резко отворилась, и я увидел на пороге старца.

– Ты что – ещё здесь? – спросил он меня.

– А как я мог уйти, геронда? – с трепетом ответил я. – Да и куда? Я ведь пришёл, чтобы Вас увидеть. Это было моей целью.

– Ну ладно. Заходи внутрь, – сказал он мне.

Я заглянул внутрь. Заходить? Но куда? В келии старца было… некуда зайти! Сразу за дверью лежала доска, а за ней зияла открытая пропасть! Старец понял, почему я не двигаюсь с места, и вкратце объяснил мне, что совсем недавно на его келию упала часть скалы и разрушила полкелии вместе с крохотной церквушечкой, поэтому сейчас он был вынужден ютиться в тесном углу. Он сказал мне, что просил Пресвятую Богородицу и Господа Иисуса Христа послать ангела, который удерживал бы другую часть скалы, готовую рухнуть на то, что осталось от каливы. Если и она свалится, то от келии не останется уже совсем ничего.

Кое-как я протиснулся внутрь и осторожно уселся. Старец начал говорить со мной о Пресвятой Богородице, о Её посещении Афона, о Её покровительстве и заботе о монахах. Постепенно он перевёл разговор на тему умной молитвы и подвижничества отцов. Моё внимание было приковано к его рассказу, и я слушал с благоговением долгое время, не прерывая, но в какой-то момент я мельком взглянул на свои часы. Это не ускользнуло от взора старца, и он спросил:

– Ты что – спешишь? Тебе надо уходить?

– Нет, геронда, – ответил я ему, – но Данилеи сказали, чтобы я возвращался к обеду.

Старец только развёл руками от такого ответа, наклонился ко мне и сказал:

– Ничего себе! Я даю тебе самую сердцевину, а ты хочешь пойти напитать себя внешним? Не волнуйся: сегодня угощать тебя буду я.

Я расстроился из-за допущенной ошибки и попросил у старца прощения:

---

[57] *Афониа́да* – специализированная церковная средняя школа-пансион для мальчиков, расположенная в Кариес на Афоне.

– Нет, геронда, я останусь. Я пришёл сюда для того, чтобы Вас встретить, и не хочу упустить ни одного Вашего слова.

Храм святых Архангелов и келья старца Гавриила

Отец Гавриил продолжил говорить со мной о тайнах умной молитвы, а я слушал его в молчании, не произнося ни слова. Пришло время трапезы, старец поднялся и принёс пустую консервную банку и бутылку, внутри которой плескалась какая-то жидкость.

– Вот, принёс тебе попить, – сказал он, наливая жидкость из бутылки. – Понравится – налью ещё.

Не зная, что это за жидкость, я сделал несколько глотков. Но к такому питию я был непривычен, и выпитое камнем стало у меня в желудке.

– Налить ещё? – спросил отец Гавриил.

– Нет, геронда, благодарю Вас, – ответил я ему.

– Значит, не понравилось, – заключил он.

– Нет, почему же, мне очень понравилось, но больше не хочу. Большое спасибо, – ответил я.

Принесённая жидкость была отваром кактусов, которыми он питался. Отец Гавриил никогда не ел пищу с растительным маслом. Я даже слышал такую историю: однажды к отцу Гавриилу пришёл юноша, желавший стать монахом и подвизаться рядом с ним. Прошло много времени, и у юноши, расспрашивавшего старца о разных духовных вещах, ненароком вырвалось: “Так когда же, геронда, мы будем есть масло?” На это последовал ответ: “Никогда. Даже на Пасху”. Настолько строгой и жёсткой была жизнь старца, подвергавшего себя неописуемым испытаниям.

Знакомство со старцем Гавриилом охватило мою душу порывом навсегда остаться на Святой Афонской Горе. Старец был самым священным явлением, что я когда-либо встречал на своём жизненном пути».

Непрестанная молитва была главным деланием старца Гавриила. Чтобы бороть диавола непрестанной молитвой, он уходил в пещеру, которая находилась высоко в горах, справа от вымощенной камнями тропы, ведущей вверх от карульской пристани. Она представляла собой углубление в скале, отгороженное стеной из камней, сложенных без цемента. Там вместо кровати у старца была широкая доска, а вместо подушки – пенёк, обёрнутый тряпкой. Тропы до этой пещеры не было. В этой пещере он скрывался по нескольку дней и там, не отвлекаясь ни на что, отдавал себя любимой им умной молитве.

Старец ходил на Божественную Литургию в скит святой Анны и в другие места, где она совершалась. Однажды утром, возвращаясь с Литургии, он на дороге встретил знакомого священнослужителя. Глаза старца Гавриила выглядели уставшими от бдения, но он был очень радостным. Не в состоянии скрыть переживаемую им радость, он вдохновенно сказал: «Отец, слышал о ядерном оружии? Знай: всё это ядерное оружие, которым хвалятся люди мирские, такая ерунда! У нас есть оружие посильнее! Молитва и Божественное Причащение делают нас пламенными “аки львов, огнь изрыгающих”. Разве может к нам приблизиться диавол? Мы повелеваем ему – и он рассыпается в прах, убегает от нас далеко!.. Ух!»

Время от времени старец приглашал в свою келию иеромонаха, чтобы Литургия совершалась и у него. Однажды он пригласил будущего великого старца отца Ефрема Катунакского. Подумав, что вместе с Божественной Литургией отец Гавриил захочет совершить панихиду по своему старцу, отец Ефрем пришёл в его келию на час раньше назначенного времени. Раздосадованный отец Гавриил сказал: «Батюшка, я тебе во сколько сказал приходить? Если бы ты знал, какой я сейчас вкушал небесный мёд! А ты пришёл и меня прервал…» В другой раз он говорил отцу Ефрему: «Ты не можешь себе представить, какую любовь я ощущаю в себе, когда молюсь о всех в море плавающих, глядя на идущий по морю корабль. Бог словно говорит мне: “Правильно делаешь, что молишься об этих людях”».

Старец Гавриил привык причащаться часто, если возможно, то и каждый день. Таков был его устав. Он был всегда готов к частому Божественному Причащению, потому что постоянно постился, совершал бдения и молился, возделывая в себе покаяние и смирение.

Когда-то ему сказали, что если он хочет причащаться часто, то не должен вкушать масла, и он абсолютно точно исполнил этот совет.

Ещё в уставе старца была следующая особенность: после Божественной Литургии, которая совершалась в его келии, он не разговаривал с иеромонахом. Клал ему поклон, целовал руку, давал баночку законсервированных кальмаров («вознаграждение» за совершение Литургии) и уходил к себе.

Много раз старец Гавриил подвергался нападению бесов. Как-то раз отец М. сказал старцу: «Для того, чтобы убедиться в существовании диавола, я должен его увидеть». – «Если ты его увидишь, – ответил отец Гавриил, – то умрёшь от страха». Сам старец однажды на молитве увидел, как демоны в виде осиного роя нападают на него.

И вот, словно деннонощных аскетических подвигов и великих постов старцу Гавриилу было недостаточно, он ради большей аскезы днём занимался очень тяжёлым физическим трудом: разбивал скалы, строил каменные террасы и заполнял их принесённой издалека, просеянной через сито землёй. В одной такой террасе была тысяча вёдер[58] просеянной земли, в другой – полторы тысячи, в третьей – две с половиной тысячи. Внешне отец Гавриил выглядел измождённым подвижником – кожа да кости. И вот, этот аскет один совершал такой непосильный труд! Когда он покрывался обильным по́том от изнурительной физической работы и поклонов, то менял майку и продолжал свой труд. Движимый любовью, старец иногда по ночам, чтобы его не видели, приходил к келиям других отцов и приносил им вёдра с просеянной землёй. В этих районах, среди безводных скал, земля драгоценна: имея немного земли, подвижники могут посадить что-нибудь из бобовых или овощей. Старец Гавриил раздавал как милостыню свой труд и пот ради того, чтобы его братиям стало чуточку легче. У себя старец посадил один розовый куст. Когда его спрашивали, кому нужны розы в пустыне, он отвечал: «Знаешь, когда я иду в скит святой Анны и прохожу мимо часовни Пресвятой Богородицы на тропе, то я прикладываюсь к иконе Божией Матери и оставляю Ей – моей Матушке – одну розу». Этот суровый и бескомпромиссный подвижник имел настолько тонкий орган духовного чувства, что радовался возможности принести Пресвятой Богородице розу, взращённую своими руками.

Любовь и тонкий орган духовного чувства старца побуждали его заботиться и о птицах небесных. Стамеской старец выдолбил в скале небольшое углубление, а рядом сравнял плоскость камня, сделав её гладкой, подобной столу. Два раза в день он наполнял это углубление дождевой водой и сыпал рядом размоченные сухари. Так старец заботился о птицах и их питал. Когда старец хлопал в ладоши и кричал особым образом, то вдруг неизвестно откуда появлялось целое облако желтогрудок, голубей и других птиц. Птицы клевали размоченные сухари, пили воду, плескались и, насытившись, улетали. На их место прилетали другие. У старца был один друг – снегирь, которого он называл Лалулис. С этим снегирём старец дружил больше, чем с другими птицами, и заботился о нём особо.

В годы гражданской войны[59] старец Гавриил помогал одному скрывавшемуся на Святой Горе жандарму по имени Хри́стос. Жандарм скрывался в пещерах близ Малого скита святой Анны и на побережье в районе Катунак. Отец Гавриил носил ему пищу и делал это постоянно, однако несчастный был одержим нечистым духом. Однажды он попытался ударить старца молотком по голове с криком: «Ты не должен был приносить мне хлеб!» Старец Гавриил чудом увернулся и говорил, что «с того времени в Хри́стосе живёт легион бесов».

Старец духом прозревал некоторые вещи и предупреждал о них. Своему родному брату, который недолгое время жил вместе с ним как послушник, а затем предпочёл вер-

---

[58] В качестве вёдер на Афоне обычно используются жестяные банки из-под маслин, брынзы и прочего, объёмом примерно 25 литров.

[59] *Граждáнская войнá в Грéции* (1946–1949) – велась между правительственной армией Греции монархического режима и коммунистами-мятежниками; закончилась война поражением коммунистов.

нуться в мир, старец Гавриил предсказал, что тот проклянёт день, в который вернётся в мир. И действительно, в миру брат отца Гавриила попал в руки шайки разбойников-коммунистов и был сожжён заживо.

Как-то один человек показал старцу Гавриилу пригоршню золотых монет и сказал: «Вот что имеет значение!» Старец назвал его нигилистом и масоном и предупредил, что его конец близок. И действительно, через несколько дней несчастный скончался.

Увидев одного мирянина, который трудился на Кавсокаливии[60] рабочим, старец его окликнул, назвав его родную деревню.

Как-то в каливу старца Гавриила зашёл один юноша и попросил благословения остаться у него послушником. Но старец, несмотря на то, что хотел иметь послушника, выгнал его, почувствовав исходящее от него зловоние. Жизненный путь этого юноши доказал правоту отца Гавриила и чистоту его дарований. Юноша стал монахом, но впоследствии отказался от ангельского образа и не только женился, но и стал монахоборцем, святоборцем и богоборцем.

В начале своего монашеского пути отец Гавриил какое-то время был зилотом.[61] Старец присоединился к одной из зилотских группировок и не имел литургического общения со святогорскими монастырями и с Церковью. В этот период старец отличался особой жёсткостью, каким-то фанатизмом. В то время по многим причинам – из-за своего характера, молодости и ревности – он был очень резок и временами груб, вступал в споры и доходил до ссор с другими отцами, даже со своим старцем. Впоследствии старец Гавриил смягчился и вернулся в мирное устроение. Его друг – старец Симеон Кавсокаливит – помог ему оставить зилотство. Отец Симеон прочитал отцу Гавриилу 89-е Слово святого Исаака Сирина «О вреде неразумной ревности».

Однажды находясь на Божественной Литургии в Великой Лавре, отец Гавриил во время «Тебе поем…» ощутил чрезвычайное умиление и почувствовал внутреннее извещение о том, что должен следовать Церкви, а не – как он думал до сего дня – зилотам. В 1955 году старец оставил зилотство окончательно и бесповоротно. О том, как это произошло, он рассказывал отцу Виссариону, смотрителю конака[62] монастыря Дионисиат:

«Рассказать тебе, что со мной происходит? Всё, с сегодняшнего дня я меняюсь. Я больше не зилот. Мой ум был нечист, молитва – мутная. “Почему? Что мне мешает, что вредит?” – размышлял я. И надумал как-нибудь пойти и постоять на Литургии тех, кто поминает Патриарха. Сегодня я был на Литургии в Ставрониките. Седмичным[63] был иеромонах Евфимий из келии Эставроме́ну, духовник. Он служит в Ставрониките каждый воскресный день. На Божественной Литургии во мне что-то произошло. Мой ум очистился. Так что отныне я к зилотам – ни ногой. Ведь в прелести я был и совсем этого не понимал. Слава Богу, хоть сейчас понял».

И хотя старец Гавриил оставил глупую ревность не по разуму, однако сохранил в себе ревность в вопросах веры и Предания.

---

[60] *Кавсокали́вия* (греч. καίω – сжигать и καλ#βα – хижина) – особножительный скит с 40 каливами. Находится по дороге к Великой Лавре, на скалах. Название скита происходит от имени основателя – преподобного Максима Кавсокаливита († 13 янв. 1365), который всякий раз, когда рядом с его каливой поселялись другие монахи, сжигал её, поднимаясь всё выше в горы.

[61] *Зило́ты* – «ревнители чистой веры», не поддерживающие молитвенного общения со Вселенской Патриархией по причине её экуменических контактов и перехода на новый стиль.

[62] *Кона́к* – подворье афонского монастыря в Кариес, Дафни, где оно обычно представляет собой отдельную келью с храмом, или вне Афона (в Салониках или Афинах), где часто афонский конак – просто квартира в жилом многоэтажном доме.

[63] *Седми́чный* – иеромонах, ежедневно совершающий суточный круг богослужения и Божественную Литургию в течение всей седмицы.

Однажды старец был возмущён протестантскими взглядами своего собеседника. Внезапно прогремел гром, и в восьми метрах от беседующих в скалу ударила молния, которая прервала бесплодный разговор.

Во время одного престольного праздника какой-то человек сказал отцу Гавриилу, что «Динамис!»[64] во время Трисвятого на Литургии является модернистской прибавкой, и старец Гавриил начал ругать певчих.

Как-то раз, идя по тропе, старец встретил мирского священника и увидел, что тот курит. Отведя его в сторонку, отец Гавриил обличил его, спросив: «Ты у нас кто: батюшка или шут гороховый?»

Часто отец Гавриил просил Бога: «Боже мой, пришли мне грешника, чтобы я заразил его Твоей благодатью».

Один стремящийся к монашеству молодой человек, студент богословского факультета, спросил отца Гавриила, нужно ли ему оканчивать учёбу и получать диплом. «Получай, – ответил старец, – и затем приезжай для своего предназначения». Юноша послушался. Получив диплом, приехал на Святую Афонскую Гору, положил послушнический поклон[65] и около 100 дней прожил со старцем. Отец Гавриил милостиво и бережно относился к молодому послушнику и, снисходя ему в его аскезе, ел вместе с ним фасоль и бобы без масла. Старец часто советовал ему: «Хочу, чтобы у тебя были херувимские очи. Хочу, чтобы ты не был вялым, чтобы твой ум был быстродвижным. Я дам тебе самое лучшее имя, однако гляди в оба, горе тебе будет, если обесчестишь его».

Отец Гавриил был воодушевлённым ревнителем послушания, которому он прекрасно научился в течение шестилетнего «курса обучения» у своего старца Серафима, а также из сочинений отцов-подвижников. Старец очень много читал и изучал «Добротолюбие». Особенно он любил книгу «Эвергетинос».[66] О ней он говорил: «Я восемнадцать раз читал “Эвергетинос”, и если буду жив, прочитаю ещё столько же. Не ищи другой книги. Из „Эвергетиноса“ ты получишь ответы на все свои вопросы. Там внутри – собрание отцов». Обо всём старец спрашивал своего духовника, дионисиатского игумена Гавриила, а о вещах простых советовался с катунакским старцем – отцом Христодулом-сапожником. Отец Гавриил учил своего послушника: «Твой старец – это твой Бог. Ты разговаривал со своим старцем? Ты говорил со своим Богом. Если твой старец скажет тебе: “Бросься в море!” – то один раз переспроси его: “Геронда, что ты такое несёшь, зачем же мне туда бросаться?” Но если он и во второй раз скажет тебе: “Бросься!” – бросайся».

Также старец говорил: «Если ты упокоишь старость своего геронды, то Святой Бог пошлёт человека, который упокоит твою старость». Старец не разрешал своему послушнику ни с кем разговаривать, он запрещал ему петь по нотным книгам и вообще петь на Литургиях. Если была необходимость, на Литургиях пел сам старец. Когда во время богослужения послушник старца Гавриила читал тропари наизусть, то старец ругал его.

Однажды отец Гавриил вместе с послушником пошёл в скит святой Анны, чтобы проведать давнего знакомого – старца Арсения-чулочника.[67] Старцы сели напротив друг друга, промолчали два часа и разошлись, не сказав ни слова. Как и о чём они беседовали?

---

[64] «*Ди́намис*» (от греч. δ#ναμις – сила) – вставка (возглашение диакона или священника и повторение хором) на Трисвятом во время Божественной Литургии.

[65] *Покло́н послу́шничества* – поклон, который мирянин кладёт перед храмовой иконой и старцем, становясь послушником.

[66] «*Эвергетино́с*» – систематизированный сборник аскетических поучений святых отцов, составленный около XI века основателем константинопольского монастыря Эвергети́ды (Богородицы Благодетельницы) преподобным Павлом и впервые изданный в 1783 году преподобным Никодимом Святогорцем.

[67] То есть рукоделием старца было вязание чулок.

В какой-то момент послушник старца не выдержал жёсткой жизни на Каруле и захотел уйти. Тогда отец Гавриил послал его к своему другу – игумену монастыря Дионисиат Гавриилу, где послушник и остался навсегда, став монахом. Старец говорил: «Бог ему в помощь, он много потрудился в послушании».

Старец помогал святой обители Дионисиат – главным образом в духовных вопросах. За это монастырь давал ему что-нибудь в благословение. По любви отцы говорили: «Отец Гавриил, возьми ещё продуктов, возьми и масла», – но он, соблюдая монашескую акривию, брал лишь необходимое: «Если я возьму больше, то и чёток за вас тянуть я должен буду больше». Старец Гавриил брал в благословение лишь самое нужное, но и за это считал должным отплачивать либо другими благословениями, либо молитвой. Старец поддерживал молодых дионисиатских монахов и говорил, что «это моего поля ягоды». Отцу Симеону, бывшему тогда молодым монахом, он советовал: «Читай авву Дорофея – и молитва будет бить как пулемёт». Святому игумену монастыря Дионисиат старец с почтением говорил: «Геронда, не выезжай в мир, иначе диавол будет расстраивать твоё стадо, и не обойдётся без больших падений». На одного молодого монаха старец наложил епитимию молчать определённый срок.

Один дионисиатский монах сказал старцу: «У меня есть помысл уйти в пустыню». Старец ответил: «Нет, ты не для пустыни. Оставайся в монастыре и работай».

Старец Виссарион Дионисиатский вспоминал:

«Старец Гавриил был человек добродетели, человек святой. Его одежда ничем особо не отличалась. Подрясники и рясы были старые, потёртые, но без заплаток. Он ни с кем не разговаривал. Постоянно постился. Пищу с растительным маслом вовсе не ел. Я тогда был трапезником, а он часто приходил в трапезную, чтобы взять лишь немного хлеба для своей келии. Он давал мне советы, каким должен быть монах. Говорил, чтобы я был внимателен, чтобы творил Иисусову молитву. Иногда он рассказывал мне что-то из того, что видел своими духовными очами. Например, как один монах шёл под ручку с двумя обезьянами – одна справа, другая слева. Он не назвал мне имя монаха, но я сам догадался, кто это, потому что этот человек был причиной многих соблазнов в монастыре».

Время от времени старец приходил в монастырь Дионисиат и исповедовался игумену. Ему давали келию в архондарике,[68] но в ней он не спал. Как только пономарь открывал двери церкви для того, чтобы возжечь лампады перед полунощницей, внутрь проскальзывал старец Гавриил. Иногда пономарь заводил с ним духовный разговор. Однажды он спросил старца:

– Отец Гавриил, я вижу, что тебе нравится наш монастырь, почему же ты в нём не останешься?

– Э, брат, – ответил старец Гавриил, – ты вынуждаешь меня рассказать тебе о вещах, которых не понимаешь. Я вижу людей такими, какие они есть, вижу их внутри, самую душу. Вижу, что некоторые порабощены бесам. Ну, а видя всё это, я, понятное дело, впадаю в осуждение. Поэтому долго здесь жить не могу.

Старец Гавриил своими подвигами, чтением аскетических сочинений и молитвой приобрёл опыт и духовное знание. Он имел благодать Божию и божественное утешение. Радость, происходящая от божественной благодати была для него каноном, правилом. Он всегда был радостным.

Старец Гавриил признавался: «Бог наградил меня неким дарованием, а я его потерял. Надеюсь, что до своей кончины вновь приобрету это дарование». Старец имел дар говорить красноречиво и вообще имел дар созидания.

Вот некоторые поучения и советы старца Гавриила:

---

[68] *Архонда́рик* – место приёма гостей.

«Жизнь монашескую я узнал через “упал-поднялся”».

«Знамения безмолвия: воздержание, молчание и самоукорение» (из святого Григория Синаита).

«Сейчас, пока вы юны, подвизайтесь, совершая посты, поклоны, ваше монашеское правило, потому что когда состаритесь, будете неспособны ни на что».

«Понуждение, понуждение приведёт ко спасению».

Старец простыми словами выражал силу и действенность духовного закона, говоря: *«Бог отмщений Господь»*,[69] – и подчёркивал значение покаяния как лекарства для исцеления отклонившихся от правильного пути. Он поучал: «Господь говорит: “Исправься, не то Я тебя исправлю”».

По смирению старец говорил: «Я прошу Бога, да сподобит меня стать невидимой звёздочкой на умной тверди».

«Когда мы страдаем, не надо говорить, что страдаем ради любви Христовой. Лучше скажем, что страдаем за свои грехи».

«Бог видит глубину души, другое Его не интересует».

Когда в годы гражданской войны один человек сказал отцу Гавриилу, что, возможно, верх возьмут коммунисты, которые перережут монахов, старец ответил: «Да будет благословен час», – проявляя в этих словах готовность пойти на мученичество и исповедничество.

Старец Гавриил особенно любил святого Максима Исповедника; слыша или произнося устами его имя, переполнялся радостью.

Угрызения совести старец называл особенным, привезённым со своей родины словом «ксурафа́кула», точно описывающим болезненные уколы и порезы острых лезвий, мучащих нашу совесть изнутри, когда мы пренебрегаем её голосом.

Старец Гавриил был человеком с крепкой волей и очень выносливым телесно. На Литургиях и всенощных бдениях он стоял на ногах прямо, как колонна. Однако шли годы, и у старца стали появляться проблемы со здоровьем – заболела поясница. Как-то, приболев, он не мог встать с кровати в течение семи дней. Старец келии Данилеев Геронтий, узнав о его болезни, взял лекарства, сварил суп, подумав, что отец Гавриил лежит один и голодный. Когда он принёс всё это в келию отца Гавриила, тот ответил: «Геронда, что сильнее: твои таблетки и суп или благодать Божия? Если Бог хочет, пусть Он меня вылечит, если не хочет, пусть заберёт меня к Себе». Есть суп и принимать таблетки старец не стал. На следующий день отцы увидели, как старец Гавриил вышел на строительство очередной каменной террасы.

Однако впоследствии, когда больная поясница окончательно приковала старца Гавриила к постели, он, живя в пустыне один, терпел невыносимые мучения. Отцы слышали, как он творил вслух Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», – и его молитва прерывалась стонами и вздохами страдания.

Когда его спросили о самочувствии, он ответил: «Крест – но без гвоздей».

На листе старец собственной рукой написал, как хотел бы встретить смерть. Он уже видел смерть близко, хотя всю предыдущую жизнь помнил о ней и готовился.

Когда старец уже не мог сам себя обслуживать, Данилеи хотели забрать его к себе и упокоить его старость. Но отец Гавриил не желал оставлять свою келию. Он попросил отца Илариона приходить к нему и помогать. Отец Иларион спрашивал, сварить ли ему суп, рис или лапшу, но старец просил только варёного картофеля без масла, посыпанного крупной солью, собранной с рыбацких сетей. Отец Иларион клал пищу в рот отцу Гавриилу, потому что тот уже не мог даже пошевелить руками.

---

[69] Пс. 93:1.

«Однажды на закате, – рассказывал отец Иларион, – старец попросил меня наполнить водой углубление в одной из скал. Как только я налил воду, слетелось огромное количество птиц: снегирей, воробьёв, желтогрудок и других, – их было необыкновенно много, они заполонили всё вокруг. Птицы пили воду, плескались, они окружили старца Гавриила, сидели вокруг и глядели ему в глаза. Увидев моё удивление, отец Гавриил сказал мне:

– Это мои домашние питомцы. Я научил их прилетать на закате.

Потом я попросил его:

– Слушай-ка, отец Гавриил, вот сейчас ты старый и больной. Давай-ка я тебе добавлю в пищу чуть-чуть растительного масла! Посмотри на эту варёную картошечку: если мы заправим её растительным маслом, разве она не станет вкуснее?..

– Конечно, станет, – ответил старец, – что я, не знаю? А если бы вместо картошки была жареная рыба, то было бы ещё вкуснее. Но говорю тебе: я всё это проходил, когда служил в жандармерии. Сев обедать, я мог в один присест слопать половину ягнёнка, и за всё это мне придётся давать ответ. Поэтому сейчас я и пытаюсь, как могу, расплатиться со своими долгами.

– Но разве тебе нравится, что братия болтают, мол, старец Гавриил не ест масла?

– А я не слушаю, что говорят братия. Меня это не интересует – пусть говорят, что хотят. Меня заботит не то, что скажут обо мне другие, а моё несчастное состояние. То, как я буду переправляться через огненную реку – вот что меня интересует. Однажды духовник велел мне есть скоромную пищу, чтобы другие отцы не комментировали мой пост. Духовник сказал мне, что послушавшись его, я “стану чувствовать себя по-другому”. И вот однажды, находясь на престольном празднике в скиту святой Анны, я тоже сел вместе со всеми за праздничную трапезу. Подавали рыбу, и мне положили огромную порцию. Я был голоден и съел её всю. Слышу, отцы начали шептаться: “Ну и ну, Гавриил уселся за трапезу!.. Гляди-ка, что это с ним? Ух ты, и Гавриил ест! Ест? Неужели? Вот это новость!” Раньше они говорили: “Не ест, почему он не ест масла?” А теперь начали говорить “Ест”. И “по-другому” я себя тоже не стал чувствовать. Я не стал себя чувствовать ни лучше, ни хуже. Рассказал об этом духовнику и скоромного больше не ел».

Когда состояние старца Гавриила совсем ухудшилось, он принял предложение братства Данилеев переселиться к ним. Монахи перенесли старца к себе на носилках. До этого дня уставом отца Гавриила было ежедневное причащение Святых Христовых Таин. Он имел на это благословение своего духовника и хранил в своей келейке Святые Дары, однако Данилеи сказали ему:

– Отец Гавриил, того, чтобы тебе причащаться каждый день, мы принять не можем.

– Пока я жил в своей келии, – ответил старец, – я делал то, что хотел. Там была одна жизнь, здесь другая. Здесь я буду жить по вашему уставу.

Отцы пришли в восхищение от его ответа и сказали:

– Мы будем причащать тебя, когда ты этого захочешь.

Итак, братство Данилеев с отличающей их благородной любовью ко всем окружило старца Гавриила заботой в его последние дни, и они причащали его каждый день.

И вот адамантовое тело карульского подвижника, тело, которое сокрушало скалы и совершало великие посты, оказалось лежащим в кровати и неподвижным – от истощения, старости и болезни. Однако, как и прежде, дерзновение старца к подвигу ни в чём не умалилось, и поэтому отец Гавриил сказал братьям: «Отцы, если я даже потеряю рассудок и попрошу добавить в пищу масло, вы мне его не давайте», – а также попросил: «Не вызывайте мне врача и не давайте мне лекарств, я возлагаю всё упование моё на Бога».

Находясь у Данилеев, молясь и укоряя себя, старец пришёл в исступление, увидел в созерцании рай и восклицал: «О, что я вижу! Какие цветы, какая красота! Неужели, всё это – столь прекрасное – создано для человека? О!.. Ты видишь? Видишь?» Отец Даниил ответил

старцу: «Мы ничего не видим, геронда». – «А вы что думаете, что я что-то вижу?» – пробормотал старец, поняв, что проговорился, и пытаясь скрыть происшедшее с ним. За день до этого старцу было другое видение. Он говорил отцу Илариону: «Вижу знамения и чудеса». По всей вероятности, Благий Бог по Своему праведному суду удостоил старца награды за его великое самоотречение и дал ему извещение ещё в этой жизни.

Старец Гавриил не переставал молиться и мысленно жил уже в другом мире. Однажды, когда казалось, что он задремал, с ним заговорили, и он ответил: «Ах, глупенький, зачем ты меня прервал?»

Старцу сказали, что приближается день его Ангела, но он ответил, что в этот день будет не с ними. Он ясно предвидел свою кончину. Однажды ночью старец попросил, чтобы его причастили. Когда ему сказали, что ещё идёт утреня, он попросил причастить его Святыми Дарами из дарохранительницы, поняв, что до окончания Литургии отойдёт в мир иной. Старца причастили. Вокруг него собрались отцы. Поскольку это было время богослужения, он сказал им: «Давайте-ка, возвращайтесь на службу, оставьте меня одного». Старец келии Данилеев, находясь в храме, сокрушался: «Да что ж это такое, человек при последнем издыхании, а мы оставляем его одного?» Вернувшись к старцу Гавриилу, он увидел, что тот испускает дух.

Старец скончался 3 ноября 1968 года.

У него была преподобническая кончина. В аскетерии было найдено наследство этого подвижника-нестяжателя: несколько килограммов миндальных орехов. Ранее отец Гавриил просил отца Илариона отдать после его кончины эти орехи какому-нибудь священнику, чтобы тот его поминал. Но его и так поминали все.

Когда через три года честны́е останки отца Гавриила были извлечены из могилы, его кости рассыпались и превратились в тонкую пыль. Возможно, это произошло потому, что он не вкушал масла.

Благословение его и молитвы да будут с нами.

Аминь.

6. Кавиот Костас, Христа ради юродивый

Все жившие в Кариес – и монахи, и мирские – знали Костаса и относились к нему с любовью и симпатией. Видя его бродящим по Кариес, часто молящимся на Божественных Литургиях в Протате[70] и совершающим невообразимые, сумасшедшие поступки, все были в недоумении. Кто этот человек? Он сумасшедший, страдающий психическим расстройством? Или только притворяется душевнобольным, а на самом деле юродивый ради Христа? Его мирное, светлое – хотя и неумытое – лицо, а также некоторые мудрые и прозорливые высказывания заставляли отцов задаваться такими вопросами. Костас был человеком тихим и незлобивым, не делал никому ничего плохого и ничего ни у кого не просил. Однако кем он был на самом деле – монахом, мирянином? Это так и осталось нераскрытой тайной.

Костас родился 10 февраля 1898 года в селе Кале́ндзи недалеко от местечка Додони в Эпире.[71] Его отца звали Ста́вросом Ангелисом, а мать – Анфулой. На Святую Афонскую Гору он приехал, чтобы стать монахом, и какое-то время прожил послушником в монастыре Дионисиат. Затем он переселился в Кариес и как кавиот[72] жил в одной полуразвалившейся келии в скиту святого Андрея Первозванного. Костас носил монашескую скуфью, отрастил бороду и длинные волосы, и поэтому внешне был похож на монаха. Вместо рясы он надевал старую шинель. Зимой ходил по Кариес почти голым, обернувшись по бёдрам какой-то тряпкой, а летом, наоборот, был одет в пальто и подпоясан верёвкой. Костас никогда не мылся и не стирал свою одежду. Когда новой грязи на его одежде уже было не на что прилипать, он развешивал её под дождём, и так она «стиралась». Когда одежда высыхала, он снова надевал её. Костас приходил в гости к иеромонаху Гавриилу Макавосу. Отец Гавриил жалел Костаса, давал ему пищу и посыпал его одежду порошком от блох и вшей, которые у Костаса водились в изобилии. Костас носил с собой консервную банку с привязанной к ней

---

[70] *Прота́т* – 1) Священный Кино́т, верховный орган самоуправления Святой Горы, который состоит из 20 святогорских старцев (антипро́сопов), избираемых от всех обителей Афона. На заседаниях Священного Кинота, проходящих в Кариес, обсуждаются общие вопросы жизни и деятельности монастырей; 2) храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, находящийся рядом со зданием Протата.

[71] *Эпи́р* – область в западной Греции.

[72] *Кавио́т* – монах, приписанный к Священному Киноту. Не находясь в монастыре или скиту, кавиоты живут даром или за небольшую арендную плату в какой-либо келии. – *Прим. сост.*

вместо ручки проволокой, поэтому некоторые называли его Баночником. Иногда, приходя к какому-нибудь конаку или келии, Костас мог по несколько часов сидеть под дверью и ждать, пока хозяин не откроет дверь сам. Увидев на пороге Костаса, братия понимали, зачем юродивый пришёл, и клали ему в консервную банку пищу. Что бы ему ни давали: суп, сладости, салаты, – он всё смешивал, а иногда сверху заливал ещё и водой. Получив пищу, Костас клал старцу келии поклон, целовал руку и, поблагодарив, уходил.

Костас посещал монастырь Кутлумуш и садился с отцами на трапезе самым последним. Брал четыре-пять порций пищи, перемешивал их и начинал то рыдать, то смеяться. Тогдашний игумен монастыря Кутлумуш отец Макарий имел большое благоговение к Костасу и наказывал одному молодому монаху, который был в то время трапезником: «Ты мне смотри, будь к Костасу внимателен! Гляди, давай ему то, что он попросит».

Иногда отцы видели, как Костас стоит напротив усыпальницы Протата. Он мог простоять там час или два. Проходя мимо, отцы слышали, что Костас шепчет себе что-то под нос, видели, что его лицо меняется. Но что он говорил, было не разобрать. Может быть, юродивый молился за усопших?

И в других местах случалось похожее. Иногда Костас садился на землю прямо посреди дороги и начинал шептать себе что-то под нос. Он был поглощён тем, что делал; его ум был заключён в тех словах, которые он шептал. Духовные отцы верили, что Костас наизусть читал Псалтирь, что ум его был восхищаем и старец не замечал, что рядом с ним люди. Когда с ним начинали разговаривать, он приходил в себя, делал какие-то жесты, выкидывал какой-нибудь «сумасшедший номер» и уходил, скрывая своё духовное делание от посторонних.

Будущий епископ Родостольский кир-Хризостом тогда жил в Андреевском скиту. Из доброго любопытства он захотел узнать о Костасе и его жизни больше. Он тайком пошёл за юродивым и подслушал, как тот совершает вечерню. Всю службу подвижник совершил наизусть – без книг и света. Костас даже пел наизусть «Господи воззвах…», воскресные стихиры и догматик гласа того воскресения, когда это произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.